

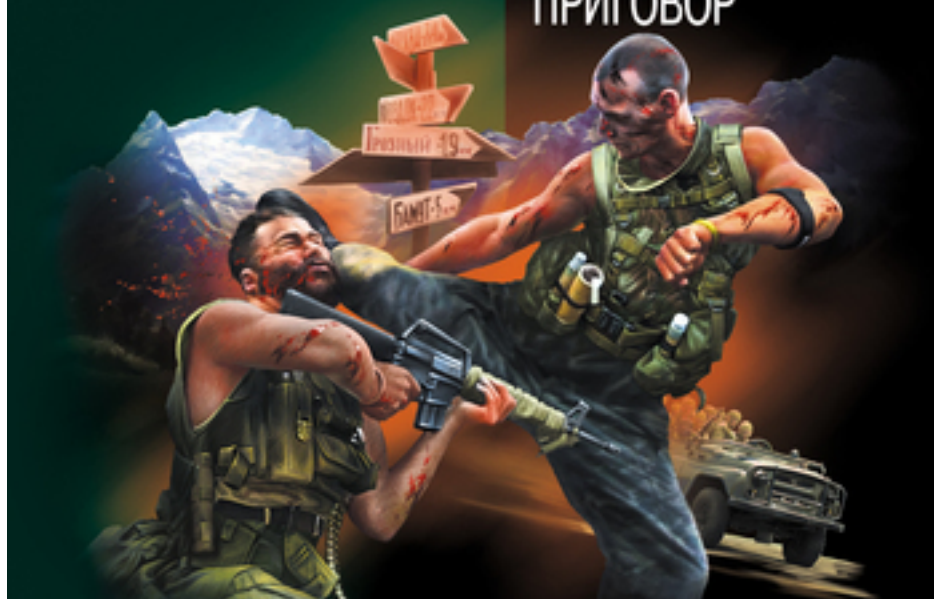
★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ
ПРИГОВОР

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Окончательный приговор

«Автор»

2010

Самаров С. В.

Окончательный приговор / С. В. Самаров — «Автор»,
2010 — (Спецназ ГРУ)

Группа спецназа ГРУ наконец вышла на банду террориста-отморозка по кличке Ваха-Взрыватель. Офицеры выследили «уазик» бандитов, которые заминировали дорогу. Некоторое время держали под контролем движение машины, затем пошли на перехват. Местность холмистая, и несколько мгновений «уазик» был вне зоны видимости. После того как спецназовцы расстреляли машину, выяснилось, что в ней ехали мирные жители... Жестокая подстава! Ваха-Взрыватель просто поиздевался над офицерами! Группу спецназа судят, приговаривают к тюремному заключению. Но офицеры бегут из-под стражи, чтобы найти и наказать отморозка...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	11
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Самаров

Окончательный приговор

ПРОЛОГ

КАПИТАН БЕКЛЕМИШЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

Я лучше других знаю, что такое «машина для убийства»¹. Сравнивать себя с ниндзя не берусь, поскольку не доводилось с ними встречаться. Но слышал, как еще в Монголии и в Китае в середине прошлого века наши парни спокойно ломали самураев. А у тех парней не было моей подготовки. Моя же – чем-то сродни подготовки ниндзя. Общее в том, что мы тоже обучены работать ночью. Ведь недаром эмблема спецназа ГРУ летучая мышь, обнимающая крыльями земной шар, ночной житель Земли. Между прочим, мы считаемся наиболее функциональными бойцами из всех спецподразделений мира, то есть бойцами без предрассудков. А в сравнении с ниндзя это сказывается особенно, в гораздо большей степени, чем, скажем, в сравнении с американским спецназом или французскими парашютистами. Мы обходимся без условностей и без мешающих работе ритуалов.

Обходились, то есть. Я обходился, если быть предельно точным...

Теперь уже я, говоря спортивным языком, «вне игры». Тем не менее горжусь своей былой принадлежностью к «летучим мышам», и даже свой капитанский мундир, права носить который меня неофициально лишили, держу в платяном шкафу в квартире мамы. Надеюсь, что через какое-то время зайду к маме, ни слова не говоря, надену мундир, и только после этого объясню, что все благополучно разрешилось. Мама будет за меня несказанно рада. Она, в отличие от жены, верит, что так и будет.

Я давно уже не появлялся в своей квартире, и предположить не могу, когда появлюсь, если появлюсь вообще. Скорее всего, мне там уже и делать нечего, и никто не встретит меня там с радостью. Может быть, даже сын Василий. Он еще слишком юн, чтобы все проанализировать, все понять и сделать правильные выводы. Если я доживу до того времени, когда он повзрослеет, я смогу объяснить. Но до этого следует еще дожить, что тоже трудно...

* * *

– Паша, слушаешь?

Когда зазвонил «мобильник», я глянул на дисплей – номер был мне незнаком. Не желая первым начинать разговор с неизвестным человеком, я нажал клавишу и стал ждать, что мне скажут. Однако голос оказался знакомым.

– Да, Вадим, слушаю... Ты сменил номер?

– Сменил. Вальтера пытались взять менты. Он ушел, но трубка осталась в комнате. В ней мой номер забит. Чтобы не засветиться, пришлось сменить sim-карту.

¹ «Машина для убийства» – термин, употребляемый в физической подготовке агентурных разведчиков. Агент, длительное время находясь на нелегальном положении в другой стране, зачастую не имеет возможности тренироваться, чтобы поддерживать хорошую физическую форму. Для агентов разработана специальная система, позволяющая проводить индивидуальные занятия без специализированных залов и приспособлений. Какой-то один или несколько, как правило, смертельных ударов отрабатываются до совершенства. Обязательное условие для постановки этих ударов – возможность нарабатывать технику их исполнения в любых условиях, часто просто бытовых. «Машина для убийства», как спортивная и боевая техника, разрабатывалась в сороковые годы прошлого века в органах НКВД по приказу Л.П. Берия.

- Моего номера у него, кажется, не было. Я не успел позвонить ему с новой трубки.
- Он говорит, что твоего не было. Только мой...
- Где он сейчас?
- В пионерском лагере. Отлеживается. Ему бок прострелили. Навылет. Я сам заштопал.

Сейчас все нормально, даже температуры нет. Но дня три полежать нужно, чтобы швы не разошлись.

- Жалко. Я на него надеялся. Мне его связи нужны.
- Я ему новую трубку повезу. Но нужно поторопиться, чтобы кто-то не позвонил раньше.

Может нарваться со своим звонком. Но он связи сумеет восстановить. У него память, сам знаешь...

Своей памятью старший прапорщик спецназа ГРУ Вальтер Хост был в состоянии удивить любого. Пунктуальный и дотошный немец, родившийся в немецком поселении в Вахшской долине Таджикистана, он ушел в армию во времена развала Советского Союза. Домой уже не вернулся, потому что возвращаться было некуда. Кто-то из его сородичей в Германию подался, на этническую родину, кто-то – в Россию вместе с русскими соседями, к которым относились еще хуже. В результате вся долина из оазиса быстро превратилась в пустыню, какой когда-то и являлась. Вальтер, отслужив срочную, окончил школу прапорщиков и остался служить в той же бригаде, где служил раньше. До той поры, пока служба его не закончилась одновременно с моей службой и службой старшего лейтенанта Вадима Корчагина.

- Может, вместе съездим?
- Пожалуйста...
- Заезжай за мной. Я на углу буду ждать. Где обычно.
- Через пятнадцать минут буду на месте.

Время можно было засекал по секундомеру. Вадим Корчагин, хотя и не был, как Хост, немцем, тоже отличался пунктуальностью. Я глянул на часы в углу дисплея трубки. Заставлять Вадима ждать тоже не следовало.

* * *

Где-то в боевой обстановке, я понимаю, там и автомат с «подствольником», и пистолет к нему в придачу, парочка ручных гранат и гранаты для «подствольника», обычные и «лягушки»², да и бронезилет – это все бывает к месту. И даже нож всегда может сгодиться. Лучше, если это будет НРС³, если такой под рукой окажется. Но в городской обстановке все это представляет для тебя такую же опасность, как и для твоего возможного противника. Когда человек находится в розыске и живет по чужим документам, ему лучше вообще без оружия обходиться. Во-первых, всегда милиционеры остановить могут для проверки. Объясняй потом, откуда и для чего оружие. А во-вторых, существует некий психологический момент. С оружием расслабляешься, чувствуешь себя слишком сильным, и противником пренебрегаешь. Без оружия подсознание мобилизует все физические и интеллектуальные силы организма. И тогда ты действительно силен, и в придачу осторожен. То есть являешься тем, чем должен являться.

² Для стрельбы из подствольного гранатомета в автомате Калашникова используются гранаты «ВОГ-25» и «ВОГ-25П» (подпрыгивающая). Подпрыгивающую гранату в обиходе зовут «лягушкой». Ударившись о землю, она подпрыгивает на высоту от полуметра до полутора метров и взрывается, что увеличивает зону поражения осколками, в том числе достает и бойцов противника, успевших перед взрывом залечь, на что простая граната не способна.

³ «НРС» – так называемый «нож разведчика стреляющий». Имеет лезвие длиной 16 сантиметров, а в рукоятке находится ствол однозарядного пистолета калибра 7,62 мм под бесшумный патрон «СП-4» для пистолета «ПСС». Выстрелом из «НРС» с дистанции в двадцать метров пробивается стандартная армейская каска. Прицельная дальность составляет двадцать пять метров. Из «НРС» стрелять можно с пояса и от плеча. Для точного прицеливания в рукоятке имеется визирная прорезь, а над стволом выставляется мушка.

Пусть и уволенным из армии, но все же бывшим офицером спецназа военной разведки. А это многое...

Я остановился перед зеркалом, посмотрел на себя. Рыжеватая борода клинышком, какую приличные люди не носят и лишь те себе позволяют, кто хочет из толпы выделиться, а больше ему выделиться нечем. Вдобавок к этой бороде выбритая голова. Человеку в моем положении внимания к себе привлекать никак нельзя. И это каждый милиционер обязан знать, и каждый следователь. И они знают. И потому никак не могут подумать, что я себе такой неприличный и привлекающий внимание облик придам. Если милиционеры смогут уловить что-то знакомое в моих чертах, они в последнюю очередь будут думать об ориентировке на розыск, но наверняка сразу решат, что где-то моя физиономия уже мелькала. Может быть, по телевизору, может, еще где-то. Такую оригинальную внешность преподносят людям артисты и прочие, кто без чужого внимания спит плохо.

Я провел ладонью по своей голове и решил, что пора снова бриться. Волосы уже начали отрастать. А лысина для полного камуфляжа должна блестеть, словно маслом намазаная. Но сейчас времени на бритье головы у меня не оставалось. Это процесс, требующий неторопливости и аккуратности. И потому я решил обрить голову позже.

Я закрыл дверь на два замка и неторопливо пошел в нужном направлении. До обычного места встречи идти было недалеко, и потому торопиться не следовало. Я даже у прилавка с книгами остановился, чтобы полистать несколько изданий, которые не только покупать, но даже просматривать в обычной обстановке не стал бы. Кажется, это были книги о каких-то «звездах», как они себя с удовольствием зовут, хотя сияют только друг перед другом, да еще и перед самой неприхотливой публикой, поддавшейся психозу, созданному нашим похабным телевидением. Женщина, что книгами торговала, стала меня спрашивать, чем я интересуюсь, но я просто отмахнулся, положил книжку и пошел дальше. Пора уже было.

Время я рассчитал правильно. Старший лейтенант Корчагин подъехал как раз в тот момент, когда я остановился чуть в стороне от перехода. Не торопясь, но и не мешкая, я открыл дверцу, и сел на заднее сиденье старенькой «Волги».

– Едем.

Машина плавно тронулась. Вообще-то, я мог и не говорить ничего, потому что Вадим поехал еще до того, как я захлопнул дверцу. Не люблю российские машины больше всего из-за того, что в них приходится громко хлопать дверцами. Но иначе их закрыть невозможно.

– Что там с Вальтером случилось? Рассказывай...

– Мало приятного, Паша. Накануне вечером он с соседом поругался. Пьяный сосед до него докопался. Здоровенный мужик. А Вальтер рядом с ним как мальчишка.

– Что, соседу выпить не с кем было? – не сказал, а проворчал я.

– На лестнице не разошлись. Ну, Вальтер коротко объяснил что-то. Нечаянно руку сломал. Соседа жена в травмпункт повела. Оттуда ментам сообщили. Они приехали. С Вальтером на лестнице встретились – он мусор выносил. Сосед с ментами был. Пришлось выкручиваться, и за трубой вернуться времени не осталось.

– Сильно выкручивался? – спросил я. – Что с ментами стало?

– У одного Вальтер отобрал пистолет. Сразу после первого выстрела. Сам стрелять не стал. Патроны в карман высыпал, оружие в мусоропровод выбросил. На глазах у ментов. Чтобы потом покопались. Наверное, когда бок болит, приятно представить подобную себе картину.

– Зачем нужно было их злить?!

– Куда уж больше злить, когда он свое мусорное ведро второму менту на голову напаялил. Все остальное – только обеспечение собственной безопасности. Пришлось у соседнего дома угнать велосипед. Носовым платком заткнул рану, и вперед. Сразу в пионерлагерь. Хорошо, что меня там застал. И хорошо, что живет он... жил, то есть... почти в лесу.

Вальтер в самом деле снимал квартиру на самой окраине, уже за пределами кольцевой дороги. И ехать ему было недолго. В бывшем пионерском лагере, расположенном недалеко от города, ныне потихоньку разбираемом на строительные материалы, мы устроили себе базу. Знакомый Вадима, старик-алкоголик, работал там сторожем. Предоставил нам в полное распоряжение целый двухэтажный корпус, и всего за бутылку водки. Нормальное помещение, хотя и без стекол в окнах. Но мы облюбовали себе хозяйственную комнатку вообще без окон. Видимо, раньше это был склад всякого хлама. Там была металлическая дверь. Замок пришлось самим ставить. Старик территорию лагеря не покидал. Беспокойство доставляли только дачники с местных дачных поселков. Полтора точно таких же корпуса, как наш, они уже разобрали на кирпичи. Вытаскивали рамы, сантехнику, трубы. После оплаты натуральным продуктом сторож благополучно засыпал. Ему много было не нужно.

После побега мы прожили в лагере месяц. Ждали, когда все как-то уляжется. Верилось, что должно все пройти хорошо. Не улеглось. Не прошло. Нас объявили в розыск. Одновременно с этим всероссийским розыском мы начали проводить собственный розыск. Это было то малое, что могло нам хоть как-то помочь.

А сейчас вот Вальтеру пришлось вернуться в лагерь.

ПОДПОЛКОВНИК РОЗОВ, СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА ПРИ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЕ

Командование спецназа ГРУ настаивало на своей версии, хотя они там в своих кулуарах отлично понимали, насколько эта версия смешна и наивна. Хорошо, что это понимал и я. Хотя мне, старшему следователю по особо важным делам при военной прокуратуре, было совсем не до смеха, поскольку в бега подались мои непосредственные подследственные, которые должны были, согласно моему замыслу, сыграть значительную роль в моей судьбе. Причем подались после третьего суда, когда мне удалось добиться рассмотрения дела не судом присяжных заседателей, который дважды оправдал их, а военным трибуналом. У меня, как и у адвокатов пострадавшей стороны, были все шансы надеяться на успешный исход дела, когда все трое обвиняемых вдруг не явились на первое же заседание, а уже к вечеру выяснилось, что они накануне попросту пропали. И все мои надежды рухнули. Дело в том, что я официально все еще являлся сотрудником следственного комитета при военной прокуратуре Южного федерального округа, в котором дело первоначально и рассматривалось. Во второй раз дело рассматривалось уже в Москве, хотя опять судом присяжных заседателей. Тогда я за Москву слегка и зацепился. И, чтобы там остаться, чтобы перевестись в следственный комитет при военной прокуратуре Центрального федерального округа, мне требовалось довести это громкое дело до успешного завершения. Передача дела в военный трибунал наполовину решила мои проблемы. Осталось малое – добиться обвинительного приговора. И вот... обвиняемые исчезли.

Что такое может значить, любой следователь знает. Пропали обвиняемые, которые, после двух состоявшихся судов, когда их брали под стражу, перед третьим судом ходили в качестве меры пресечения под подпиской о невыезде. Трибунал, к сожалению, моим доводам не внял, обвиняемых под стражу не взял, и вот результат. Пришлось объявлять их в розыск, а заниматься активной фазой розыска пришлось опять мне. Но это не розыск каких-нибудь заурядных бандитов. Тех рано или поздно все равно находят – в последнее время чаще раньше, чем позже, и где-то за пределами России. Потом их экстрадируют, и дело завершается. Однако в данном случае нам предстоял розыск профессиональных военных разведчиков, которые прятаться умеют очень хорошо и которых, как я подозреваю, может прятать и ГРУ, если, конечно, решится. В этом случае на успех розыска рассчитывать даже не приходится. И слабым уте-

шением служило то, что меня временно прикомандировали к Центральному федеральному округу, чтобы я руководил розыском. Но это не тот победный вариант завершения дела, когда перевод в Москву производится автоматически, только благодаря статусу следствия.

Пару дней повздыхав, я обустроился в общежитии более капитально и приступил к делам.

Спецназ ГРУ, видимо, считавший нас дураками, выдвинул свою нагло-наивную с точки зрения следствия версию. Я даже не понимаю, как они вообще до такого могли додуматься. Совсем, что ли, следственные органы записали в беспомощные и неразумные? Высказали предположение, что всех троих подозреваемых похитили чеченцы, чтобы устроить над ними самосуд. В центре-то России... Двух опытных офицеров спецназа ГРУ и одного старшего прапорщика... Посреди города... На глазах у людей...

Это нереально!

Вся версия спецназа ГРУ, расписанная на двух страницах компьютерного убористого текста, насколько я понимаю, упирается в единственный телефонный звонок и последующие события, которые ни о чем не говорят. Старшему прапорщику Вальтеру Георгиевичу Хосту позвонили на «мобильник». Сам старший прапорщик был в это время на кухне, чистил картошку, а трубка лежала в комнате. И ее взяла жена, давая возможность мужу вымыть руки. Какой-то грубый голос с откровенным кавказским акцентом потребовал Вальтера. Она, естественно, передала трубку. Вальтер Георгиевич, успевший вымыть и вытереть руки, поговорил, оделся и вышел, как сказал, на пару минут. Сообщил, что нужно с одним человеком поговорить. С тех пор его больше никто не видел. Но через полчаса жене Вальтера позвонил второй подозреваемый, капитан Павел Валентинович Беклемишев. Женщина рассказала капитану, куда ушел ее муж. После этого, как говорят материалы следствия, пропал и сам капитан Беклемишев, и третий обвиняемый по делу, старший лейтенант Вадим Николаевич Корчагин. Последний вышел из дома, когда ему позвонили. Жена не знает, кто звонил, но слышала имя – Паша. Так Корчагин обычно зовет капитана Беклемишева, следовательно, можно предположить, что звонок был от капитана. Правда, женщина в дополнение рассказала, что чуть позже приходил к ним какой-то кавказец. Она дверь не открыла и разговаривала из коридора, поэтому описать гостя не может, помнит только сильный акцент. Гость спрашивал Вадима Николаевича, говорил, что им необходимо срочно поговорить по чеченским делам. И даже номер мобильного спрашивал, но жена старшего лейтенанта номер не дала.

У капитана Беклемишева в тот вечер никого дома не было. Его семейная жизнь трещала по швам, и жена с сыном временно жили на даче тестя, отставного генерал-лейтенанта Генерального штаба. Никто не мог сказать, когда Павел Валентинович ушел из дома, кому он звонил, с кем встречался или намеревался встретиться. И никто не мог сказать, приходил к нему чеченец или звонил человек с кавказским акцентом. Вообще по Беклемишеву на первом этапе поиска было очень мало данных. Он сам предоставил данные, но позже.

Командование спецназа ГРУ упрямо и бездумно настаивало на версии с похищением своих бойцов чеченцами. И никак не желало связать с этим побегом другое уголовное дело, которое вести доверили, к счастью, не мне. Дело о пропаже главного адвоката пострадавшей стороны, самого активного. Того адвоката-чеченца, что наиболее последовательно и упорно помогал мне добиться обвинительного приговора. О его пропаже заявили другие адвокаты. В назначенное время он не пришел на встречу, стали искать, но найти не смогли. Просто пропал человек без следа, и все...

Первичные меры розыска в первые дни после пропажи обвиняемых ничего, естественно, не дали. Они вообще дают результат только в том случае, если в качестве обвиняемых выступают тупые отморозки, которые всегда попадают, когда у соседа одну калошу из пары украдут. Серьезные люди умеют обходить все розыскные мероприятия. И розыск затянулся. Для меня это был убийственный вариант хотя бы потому, что затянувшийся розыск может длиться больше десятка лет, и не было никакой надежды, что меня на это время переведут в Москву.

Перевести могли бы только в том случае, если бы я довел дело до обвинительного приговора. И, по поведению руководства следственного комитета, я уже начал понимать, что пора паковать чемодан, когда случилось то, что должно было случиться.

Жена капитана Беклемишева вернулась с дачи, чтобы не оставлять квартиру без присмотра. В один из дней к ней, чтобы задать несколько стандартных профилактических вопросов, заглянул капитан из отдела розыска местного управления МВД. Оказалось, что капитан был одноклассником жены разыскиваемого капитана спецназа ГРУ, причем не просто одноклассником, а близким другом детских лет. Что-то там началось, какие-то отношения возобновились, тем более что капитан милиции лишь два месяца назад развелся со своей женой. Но через несколько дней ночью раздался звонок в дверь. Дверь открыл капитан милиции, на ногах которого были тапочки Беклемишева. Последний извинился, сказал, что пришел за своими тапочками, и одним ударом в лоб убил капитана милиции на глазах у своей жены и сына. Лоб при этом ударе не пострадал, но сломался шейный позвонок. Потом Павел Валентинович забрал свои тапочки и ушел.

Версия спецназа ГРУ рассыпалась, и можно было не сомневаться, что и двое других беглецов находятся в Москве. В качестве рабочей выдвинулась моя версия, и я остался в Москве, чтобы продолжить розыск, который начался с новой силой и интенсивностью. Органы МВД старались так, как редко стараются. Когда убивают милиционера, работники правоохранительных органов, как известно, звереют. Я не позавидовал бы капитану Беклемишеву, попади он в их руки. Задержание не состоялось бы, поскольку изуродованные трупы не оформляют в качестве трупов задержанных. Их оформляют в качестве убитых при попытке сопротивления.

Часть I

ГЛАВА 1

КАПИТАН БЕКЛЕМИШЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ. СПЕЦИАЛИСТ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ

Мы готовили операцию по обнаружению и захвату Ваха-Взрывателя почти три месяца. Готовили неторопливо и тщательно, в режиме крайней осторожности и высокой секретности, ни перед кем не раскрывая своих планов, за исключением бойцов своего круга, задействованных в операции. Да и среди них каждый знал лишь столько, сколько ему было положено. Но это делалось уже больше по привычке, и то не всегда. Но к строгому соблюдению такого режима секретности у нас были веские причины, как мы считали.

Основная сложность состояла в том, чтобы изначально верно определить, кто же такой этот пресловутый Ваха в действительности. Ошибка в определении на первом этапе уже перечеркнула бы все усилия на этапах последующих. Все знали, что Взрыватель существует. Он сам старался об этом заявить как можно громче. После очередного взрыва, что устраивал Ваха, он сам звонил в какую-нибудь газету, на радио, на телевидение и коротко рассказывал, как готовился к взрыву и кого хотел убить. Ваху не волновало то, что вместе с намеченной жертвой гибли посторонние люди. Его цель в его понятии оправдывала его же средства. Неразборчив он был в средствах, и чужие жизни ценить не умел. Несколько раз Ваха нагнул до такой степени, что звонил за несколько минут до взрыва и высказывал свои предположения о том, что произойдет. Начинал разговор, как бдительный человек, которому случайно стало что-то известно. Себя называл только в последний момент, когда ему задавали обязательный и естественный вопрос о личности звонившего, но когда дело уже свершилось. И радостно, заливисто хохотал. Создавалось впечатление, что Ваха безудержно радовался своей популярности. И, помнится, во время одного из очередных обсуждений состоявшегося террористического акта, кто-то из офицеров ФСБ даже высказал предположение, что поскольку Ваха ведет себя, как артист, то, может быть, стоит поискать его среди артистов. Склонность к популярности сама по себе порочна и относится к психическому заболеванию. Врачи и психологи называют подобную болезнь «комплексом Герострата».

Что же касается предположения республиканской ФСБ... Глупость, конечно, хотя и оперативного характера. От отчаяния и беспомощности следяки готовы были за любую глупость ухватиться, лишь бы был результат, а если результата и не будет, то хотя бы появится возможность доложить о большой и нелегкой проделанной работе. Это обычная система у поисковиков и сыскарей не только на Северном Кавказе, но и по всей России. Они любят демонстрировать величину своей работы не меньше, чем террористы свою. Кажется, в тот раз ФСБ плотно перешерстила всех известных и малоизвестных, и совершенно бездарных артистов республики. А вызвано это было другим предположением – что Ваха-Взрыватель вовсе не является полевым командиром, как это предполагалось ранее, а сидит где-то в столице республики, чем-то занимается в рабочее время, а на досуге устраивает взрывы. Имеет такое вот странное хобби. То ли фильмов про Зорро посмотрелся, то ли вообще нрав такой. Любит громко, чтобы все слышали, нагадить. И инкогнито при этом соблюдает. Возможно, имеет нескольких помощников. Одному готовить такие акции сложно. Кстати, такое предположение о личности террориста прозвучало как раз со стороны спецназа ГРУ,

и с вескими основаниями. Если бы была банда, с которой Ваха-Взрыватель мотался по лесам и горам, о нем наверняка слышали бы и местные жители, и другие полевые командиры. Доку Умаров два десятилетия всем гадит, и о нем давно знают. У нас же схожей информации о Вахе и его отряде не было. А отсутствие информации – это тоже информация, только читать ее следует в особом порядке. Нет информации об отряде Взрывателя, значит, такой отряд существует не в сельской местности – если вообще существует отряд, а не кучка людей, которую на Кавказе, с легкой руки Хаттаба, принято называть джамаатом.

Спецназ ГРУ в течение всех последних лет своего активного присутствия в регионе создавал на Северном Кавказе собственную разветвленную агентурную сеть, независимую от сетей осведомителей всех других органов, наделенных официальными следственными полномочиями. Этим органам было гораздо проще работать. Они хотя бы на допрос могли вызвать, кого требовалось допросить, могли оформить пусть не арест, но задержание, если требовалось, могли несколько дней помуржжить в камере человека, чтобы он стал сговорчивее. У спецназа ГРУ такой возможности не было по закону, и потому приходилось временами обходиться полумерами, а временами и забывать, что существует закон. То есть попросту нарушать его и рисковать тоже стать привлеченными к ответственности. Но при этом, когда разговор заходил о возвращении мира на Кавказ, спрашивали со всех силовиков одинаково, вне зависимости от законных возможностей для поиска. Виноваты в таком положении вещей были журналисты, которые по глупости своей и по незнанию очевидных истин при большом желании сказать что-то псевдоумное приписали военную разведку к таким же одиозным организациям, как ФСБ или следственный комитет при прокуратуре, и даже с ментами иногда сравнивали. Если уж не с простыми ментами, то с ОМОНОм, что, в принципе, тоже смешно, если учесть громадную разницу в функциональных обязанностях. Но если журналисты так говорят, причем говорят, как всегда, безапелляционно и уверенно, если они формируют общественное мнение, то их слушают даже ответственные люди, еще более неумные, чем сами эти журналисты. И, в итоге, когда претензии за то, что Ваху-Взрывателя до сих пор не поймали, стали высказывать не только беспомощным в этой ситуации следственным органам, но и нам, которые следствия и вести-то не должны, в составе спецназа ГРУ была все же создана временная оперативная поисковая группа. Она и должна была заниматься конкретно поисками этого негодяя – Взрывателя.

Меня включили в группу одним из последних, на завершающем этапе формирования, как лучшего специалиста нашей бригады по задержанию. То есть, как человека, способного не только владеть оружием, что, в принципе, и все остальные члены группы умеют в совершенстве, но и голыми руками поработать. Кроме меня взяли еще пару специалистов того же профиля из других бригад. Вызвано это было тем, что Ваху требовалось взять живым, и сразу в следственные органы не передавать, а первоначально поработать с ним самостоятельно с применением собственных методик спецназа ГРУ, разработанных для ведения допроса на территории противника, и через Ваху потянуть за ниточку, чтобы размотать весь клубок связей Взрывателя. Связи наверняка были, и связи прочные, важные. Он никак не мог обходиться без серьезных связей, и это было ясно всем.

Ваха-Взрыватель всегда обладал таким знанием ситуации, что мог позволить себе действовать вроде бы с крайней степенью риска, при этом практически не рискуя. Несомненно, его прикрывали. Причем прикрывали капитальнейшим образом, плотно, надежно. Или на самом информированном уровне, или же даже на самом властном, где есть возможность добыть любую требуемую информацию. Именно прикрытие, как мы считали, обеспечивало утечку информации из следственных органов и не позволяло поймать Ваху. И это тоже было заметно. И нам следовало решить, на кого можно было положиться в операции, а от кого итоги своих поисков стоило скрывать. Я не знаю, что и как там решили наверху, мне по должности этого знать не полагалось, но работали мы в режиме повышенной секретности.

То есть выполняли какие-то посторонние задачи, но выполняли их не слишком рьяно, и одновременно, незаметно для посторонних, расширяли свою сеть и ловили каждый намек, звук, взгляд, все, имеющее отношение к Вахе-Взрывателю. Сведения были разрозненные, редкие, неоткровенные, но постепенно, в течение трех месяцев, накапливались и стекались к подполковнику Прокофьеву, аналитику поисковой группы. Конечно, конкретики пока было мало, но какие-то выводы Прокофьев сделать сумел и дал рекомендации, на которые нам следовало опираться в своей работе.

Я вообще-то впервые сталкивался так близко с работой профессионального аналитика, хотя всегда интересовался их работой. Результатами работы, то есть, интересовался – и пользовался. У меня у самого профиль деятельности был другой, естественно, и методика деятельности соответствовала моему профилю. Но, даже получив, как и все, рекомендации, честно говоря, я не понимал, на чем они основаны. Хотя вполне допускал мысль, что если бы мне дали все имеющиеся сведения для ознакомления и осмысления, я, возможно, тоже сумел бы сделать какие-то полезные для дела выводы. Сам я всегда считал, что склад ума у меня аналитический. Еще в военном училище на занятиях по классификации полученных разведанных я не брал, как большинство, за основу всю информацию, которая меня всегда только путала. Я использовал только несколько наиболее характерных моментов и выделял между ними связь, что позволяло мне делать правильные выводы. Помнится, преподаватель хвалил меня за аналитический подход. Но с моими способностями при дальнейшем прохождении службы считаться не хотели и в этот раз тоже нашли профессионального аналитика, занимающего в управлении соответствующую должность. Я не возражал, поскольку в армии вообще не принято возражать против приказов. Да и практики составления аналитических записок у меня не было. Так что с чужими выводами я мог только согласиться, поскольку не обладал полной информацией, чтобы сделать свои выводы. А пока первичный вывод – может быть, тоже аналитический – я сделал, и он выглядел не слишком радостным. Игры в секретность повышенного режима довели руководство группы до того, что оно даже простым своим же бойцам, многократно проверенным офицерам и прапорщикам, не слишком доверяло. И все факты, собранные в ходе оперативных мероприятий, до общего сведения не довели. Наверное, это в чем-то и правильно. Когда мы проводим операции с солдатами, мы тоже не выкладываем им всю оперативную информацию. Но офицеры, как я думаю, от солдат чем-то все же отличаются, и потому было слегка обидно. Однако обижаться, когда предстоит работать, не стоило. Обиду в этом случае просто, как говорится, глотают.

За время службы мне удалось проглотить много обид, и ничего, не подавился. Осилю, решил я, и эту. И другие осилят...

* * *

Вальтер встретил нас, лежа на топчане, выделенном сердобольным сторожем-алкоголиком. Постелью мы, впрочем, и раньше не пользовались; не пользовался и он.

– А где твой галстук, друг любезный? – спросил я.

– Какой галстук? – Вальтер почуял подвох, но тем не менее решил мне подыграть.

– Пионерский. Его положено носить в пионерском лагере. По возрасту ты вроде бы как из пионеров вышел, а по поведению... Как ты так бездарно умудрился вляпаться?

– Без всякой, Паша, агрессии со своей стороны. Честное пионерское, если хочешь... А если желаешь, готов поклясться тевтонским мечом, который я никогда не носил и носить не буду. Вел я себя, в самом деле, по-пионерски. Этому чудачу выпить было не с кем. А тут я... Если бы кто другой в подъезде шел, он к нему докопался бы. Просто мужик любит компанию и не любит, когда кто-то его компанию не любит, – Вальтер всегда любил выражаться слегка замысловато. – А я вообще люблю только свою компанию, но и в своей компании не люблю

паленую водку. А нормальную водку сейчас купить невозможно. Я только это ему и сказал. А он посчитал, что я его алкоголиком обозвал. И пообещал мне нос за оскорбление откусить. Естественно, мне ни к чему такая особая примета, я мягко воспротивился, и когда он попытался меня за нос схватить, чтобы ко рту поднести, я его руку убрал подальше от него же самого, чтобы не натворил чего. Я же не знал, что мужик в ногах после выпивки слаб. Он упал на лестницу и сломал руку. Правда, ментам он сказал, что я на него сзади набросился и сбил с ног. А он мне даже слова сказать не успел. И менты ему поверили, потому что он сам бывший мент. В вытрезвителе, говорят, служил, и потому считается человеком непьющим. Наверное, не пьющим мало. Он сам мне про вытрезвитель сказал, когда других ментов привел.

Я на такие оправдания только вздохом и мог ответить.

– Я понимаю, что быть привлеченным за драку тебе не хочется. Но хотя бы с ментами мог договориться? Ты же был трезв.

– Это выше моих возможностей, товарищ капитан. Там разговаривать было бесполезно. За мной приехали, чтобы сразу «повязать». Твердое намерение, вошедшее в привычку! И даже попытались это сделать без предупреждения. Если не считать предупреждением попытку захватить мне в физиономию. Менты первыми начали. Но бить, дураки, не умеют.

– Узнали тебя? – поинтересовался я.

– Очень сомневаюсь. Соседи меня знают как художника. Приехал в Москву с Урала «пробиваться» к вершине славы. За заслуженной славой. Этаким деревенский самородок. Таким меня там, на Урале, считали. А здесь почему-то всерьез не принимают. Я в трансе. Но художник должен всегда быть в трансе, иначе ему не выжить и ничего не создать. Художник обязан быть голодным, чтобы из него Пикассо получился, а не Никас Софронов. В квартире остался набор красок и два незаконченных этюда. «Московские дворики» ... Я такую серию хотел сделать. Это подтверждает версию. Да там и не будут сильно докапываться. Они поставятся без шума дело замаять. Стрельба в подъезде жилого дома тоже не приветствуется.

– Следователь знает про твои художества? – спросил я.

– Понятия не имею, – лежавший на топчане Вальтер пожал плечами и поморщился: ранение беспокоило при каждом движении. – Дома у нас он не был ни при мне, ни после меня. Жену вызывали повестками. Со мной ни разу разговор о живописи не заводил. Думаю, что не знает... И потому надеюсь, что безвестного художника не соотнесут с бывшим старшим прапорщиком Вальтером Георгиевичем Хостом.

– Ты отпечатки на пистолете оставил, – напомнил Корчагин.

– Это – да, есть такая беда. Но у меня теплится в душе надежда на ментовский характер. Его же «на ковер» потащат за временную утерю оружия. И потому мент, мне кажется, мусоропровод уже носом перекопал, пистолет нашел, от вони отмыл и в рапорте факт утери оружия не отметил.

– Это возможный, и лучший для нас вариант, – согласился я. – Даже вполне вероятный вариант. По справедливости, хватит нам моего прокола. Меня в Москве ищут. Тебя идентифицируют, тоже будут искать, но тогда уже сообразят, что, поскольку двое здесь, то и третий обязан быть где-то неподалеку, значит, заодно будут искать и Корчагина, который в сравнении с нами ведет себя примерно. Но его поиск на тридцать три процента увеличивает их надежды на успех. Одного найти всегда труднее, чем двоих и уж тем более троих.

Вадим один из всех нас не изменил внешность. Он от природы был лысоват уже в свои молодые годы. Конечно, хорошо бы ему носить парик, но опытный милиционер всегда отличит парик от настоящих волос. И в парике показаться подозрительным намного проще, чем без одного. А казаться подозрительными нам ни к чему.

– Я пока не вижу предпосылок к своему провалу, – сказал Вадим.

– Я тоже не видел, пока сосед не пожелал моим носом свою водку закусить, – возразил Вальтер. – Я уж надеялся чуть ли не до старости так же тихо прожить в образе провинциального художника.

– Честно говоря, – сознался я, – и я думал, что найти меня будет невозможно, пока этот капитан милиции не пожелал мои тапочки примерить.

– Я на вашем опыте буду учиться, – сказал Корчагин.

* * *

Командир временной оперативной поисковой группы полковник Переславцев, прочитав несколько строчек из листа, который держал перед собой, указательным пальцем опустил на середину носа очки и посмотрел вверх них на собравшихся в помещении бойцов, плохо еще знакомых друг с другом, потому что собраны все были из разных бригад. Помещение представляло собой класс бывшей школы пригородного чеченского поселка. Здесь временно разместили нас, не зная, для чего выделяют помещение и что нужно в поселке спецназу ГРУ. Детям недавно построили новую школу – шикарную, современную, оснащенную всем, чем можно оснастить школу. А старое здание, к нашему счастью, местные власти ни подо что приспособить не успели.

– Задача простая, – дал полковник вводную, утвержденную, как мы уже знали, на высшем в военной разведке московском уровне. – Заниматься с усердием тем, чем под вашим командованием по несколько часов в день успешно занимаются ваши солдаты. Более конкретно это называется уборкой территории и приведением ее в божеский вид. Все должно блестеть даже больше, чем в местах вашей постоянной дислокации. Постарайтесь, товарищи офицеры...

Полковник поднял руку, словно заранее отгораживаясь от возможных вопросов, которые, кстати, никто задавать и не собирался.

– Мы здесь надолго задерживаться не собираемся. Можете успокоиться. И местом постоянной дислокации старая школа для вас не станет, не переживайте. Но поработать физически все же придется. Нужно вымести двор, окопать деревья, подстричь на газонах траву, побелить бордюры вдоль тротуаров, ну и все остальное. Не мне вам говорить, что следует делать перед приходом большого начальства. Как обычно... Как в своей части... Не мне вас, повторяю, учить...

– А кто приезжает, товарищ полковник? – прозвучал голос из глубины класса.

– Мне бы хотелось, чтобы приехал Ваха-Взрыватель, – с улыбкой ответил полковник. – Но эта информация для служебного пользования, и озвучивать ее я не буду. А пока оперативное задание.

– Ну, ради Взрывателя можно и постараться, только были бы хотя бы метлы, – сказал тот же голос.

Я присмотрелся. Говорил какой-то незнакомый мне, как и большинство собравшихся здесь офицеров, белобрысый и белобровый старший прапорщик с обгоревшим на солнце и оттого, видимо, красноватым носом.

– Да, Вальтер, Ваху мы все встретили бы с радостью... – полковник был предельно сдержан и серьезен, хотя говорил негромко и мягко. – А относительно инструментов, тех же метелок, лопат, извести – необходимо обратиться к местным жителям. Так, мол, и так, большое начальство приезжает. Не меньше трех генералов. Высшее руководство всех силовых министерств. Могут и сюда заглянуть. По слухам, может и начальник Генерального штаба пожаловать, а он прямой руководитель военной разведки. Вроде бы между делом выдать информацию. Задача ясна?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил за всех Вальтер. – А оперативное задание? Вы говорили...

– Это и есть оперативное задание. Донести до населения, что мы ожидаем кого-то.

– Понятно, товарищ полковник. Будем ожидать, когда наши ожидания сбудутся...

Мне было интересно, Вальтер – это имя или фамилия?

КАПИТАН БЕКЛЕМИШЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ, ВЫСТУПАЕТ В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

– Учиться на чужом опыте лучше, чем на своем, – согласился я с Корчагиным. – Тем не менее не все мы придерживаемся этого принципа, и вот результат. Когда теперь Вальтер поднимется?

Этот укор относился не только к Вальтеру Хосту, но и, в первую очередь, ко мне самому. Верующие люди говорят, каяться следует всем, и постоянно. Вот я и каюсь. Заодно и другим, мягко говоря, дурным примером служу. Примером для неподражания, весьма неприглядным. Хост на моем примере учиться не пожелал, выкрутиться из ситуации не сумел и перешел в результате на лежачее положение. Я обошелся без этого положения, но осложнил собственное жизненное положение как личное, так и социальное.

– Как только будет необходимость, – пообещал Вальтер, – сразу и встану.

– Необходимость есть уже сейчас.

Вальтер начал вставать и при этом старался не морщиться от боли.

– Лежи, лежи, – остановил я его жестом. – Геройство в настоящий момент меня интересует меньше всего. Мне нужен полноценный боец. А полноценного, сам чувствуешь, из тебя может не получиться. Тогда ты и сам опять ляжешь, и Вадима подведешь.

Вадим посмотрел на меня. Он еще не знал, что я хотел ему предложить. Но если неполноценный боец может его подвести, значит, задание предстоит простое.

– Сегодня утром звонили. Нужно съездить на встречу с человеком, который может дать сведения. Один встречается, беседует, второй должен прикрывать. А у меня встреча здесь назначена. Тоже важная... Я рассчитывал на ваш мощный тандем. Но у вас прокол.

– У меня даже не ранение, просто царапина, – сказал Вальтер.

Я не удостоил это несерьезное утверждение серьезным ответом.

– Мне кажется, диафрагма пробита. Кто звонил? – спросил Корчагин.

– Альтемир Атабиев. Помнишь такого? Капитан ФСБ. Был капитаном. Сейчас ушел со службы то ли сам, то ли его по какой-то причине «ушли». Я просил его кое-что узнать. По моему запросу ничего не наскреб, поскольку не имеет в настоящее время доступа к документам. Но обещает дать интересную информацию непосредственно по Взрывателю. Собственное его расследование. Ему документы прислали – свидетельские показания, подписанные. Предоставит их копии. Сами документы себе оставит. Нам копий пока хватит, поскольку мы в суд обращаться не спешим. Будет необходимость, следственный комитет сам затребует.

Корчагин скроил задумчивую физиономию.

– Фамилия знакомая, но его самого я, честно говоря, не помню. Может, даже и не встречались. Он у нас на базе был? Если был, то я мог его видеть, если не был, не видел точно. Для меня вообще все кавказцы на одно лицо, и я их предпочитаю через прицел рассматривать.

– Был, не был – не помню. Я сам с ним только в республиканском управлении встречался. Характерный признак: большой шрам под правым глазом. Кожа порвана, заросла темной полосой... – дал я внешнюю характеристику. – Шрам видно даже на смуглом лице.

– Не помню такого. Со шрамом я бы запомнил.

– Это, в принципе, и не важно. Он тебя помнит. Я сказал, что ты на встречу приедешь, поскольку у меня в Москве дела.

– А встреча где?

– Около пятисот километров от Москвы. Ехать нужно через Ярославль, потом через Кострому. В Костромской области городок родом из тринадцатого века – Судиславль. Перед Судиславлем поселок Западный, считающийся частью городка. Альтимир сейчас там живет. Свой бизнес заимел, что-то с лесом связано. Нужно его навестить.

– Могу и один съездить, – предложил Корчагин.

– Лучше с подстраховкой.

– Ты ему не доверяешь?

– Я сейчас доверять могу только вам двоим. Альтимир парень вроде бы надежный. Раньше ему довериться было можно. Но обстоятельства всегда могут быть против него и, соответственно, против нас. Если ему прислали документы, значит, знают его адрес. И для нас это уже опасно. Поэтому подстраховка необходима.

– Но... Вальтеру лучше полежать...

– Это я понимаю.

Я, в самом деле, понимал, поскольку тоже имел огнестрельное ранение, тоже пуля прошла навывлет, но в отличие от Вальтера не через бок, а через мягкие ткани бедра. Но это я перенес. И не только это. Однажды за один бой получил девятнадцать вмятин на бронезилете. Впечатление было такое, что меня долго и упорно пинали. Хотел сменить только обшивку, но спецы сказали, что бронезилет следует списывать. Бронезилет списали. Меня оставили в строю в новом бронезилете, на котором уже в следующем бою остались три новые отметины.

– Потому мне придется отложить дела и включиться в страховку.

– Я бы смог, – упрямо сказал Вальтер.

– Этого никто не знает, – я был непреклонен. – Даже ты сам не знаешь. И еще никто не знает, что нас там ждет.

– Да, – согласился и Вадим. – Страховать лучше здоровому. Тебе необходимо отлежаться. Ты по дороге сюда много крови потерял.

Хост вздохнул. Наверное, чувствовал нашу правоту, хотя быть недвижимой обузой тоже не желал. Никто из нас не желал быть обузой другому. И каждому хотелось, чтобы дело быстрее завершилось.

– Так что будем делать? – спросил Корчагин.

В принципе, я военный совет не устраивал, и потому совета не спрашивал. Если уж я взял командование нашей маленькой группой на себя, я и буду ею командовать. А я уже все обдумал по дороге к пионерскому лагерю. И решения менять не желал.

– Поедем вдвоем. Каждый на своей машине.

– Может, лучше меня пустить на страховку? Ты хотя бы в лицо его знаешь.

– Я думал об этом. Но тебе тоже его знать необходимо. Кроме того, для Альтимира это будет проверка на вшивость. Первоначальную рекогносцировку проведем вместе. Через час едем за моей машиной.

Вальтер Хост глубоко и демонстративно вздохнул. Мы разговаривали так, словно его рядом не было. Переживает парень. И хорошо. В следующий раз и побить себя даст, и нос откусить сам предложит, лишь бы не засветиться...

* * *

Пригородный чеченский поселок, в котором мы временно базировались, начал преображаться на глазах. Мало того, что мы стали наводить порядок в школьном дворе, превращая его в некое подобие небольшой воинской части, еще и местные жители, воодушевленные нашим примером, а может быть, и предполагаемым приездом большого начальства, взялись

за свои дома и улицы. В итоге за короткий срок поселок преобразился, стал строже и при этом праздничнее.

Наша группа разделилась на две, что не могло не быть замечено со стороны. В один из дней, когда основные работы были уже закончены, в гости к полковнику Переславцеву пожаловали сразу два полковника ФСБ.

Переславцев не имел отдельной комнаты для чайных церемоний, и потому принимал гостей в беседке в бывшем школьном дворе, где уже час до этого сидел в раздумьях над картой района. Я находился как раз поблизости и имел возможность слышать разговор почти полностью. А что услышать не удалось, то легко дополняло воображение. Главное, я понимал смысл.

Один из полковников ФСБ был местным кадром, карикатурно лысым, и, похоже, трепетно любящим свою лысину, и потому он постоянно держал в руке фуражку. Это чтобы и другие могли лысиной полюбоваться. Второй, скорее всего, был прикомандированным, из которых обычно на тридцать процентов и состоит республиканское управление ФСБ. По крайней мере, второй полковник был русским, а русские полковники здесь все только прикомандированные. И тот и другой выглядели озабоченными, и не знали, с чего начать разговор с полковником спецназа военной разведки. Но на карту, что лежала перед ними развернутой, не обратить внимания не могли. Первым заговорил местный полковник.

– Что, Антон Петрович, в районе намечается какое-то серьезное поисковое мероприятие? По нашим сведениям, район вполне спокойный. Если у вас что-то есть, поделитесь информацией. Одно, как-никак, дело делаем.

– Мне, в принципе, делиться нечем. Я так... Просматриваю дороги на предмет обеспечения безопасного проезда.

– А куда ехать и кто поедет? – спросил прикомандированный полковник, словно бы его спросили как авторитетного эксперта и он готов дать мудрый совет.

– Понятия не имею... – честно признался Антон Петрович.

Это прозвучало очень честно как раз потому, что было настоящей правдой. И никто в честности полковника спецназа ГРУ усомниться не мог. Даже я, слушающий весь разговор стоя вполоборота и показывающий двум лейтенантам, почему у них не получается жестким удар основанием ладони в центр груди. Или резкий удар, или сильный. А вот жесткости явно не хватало. Я объяснял лейтенантам, а сам слушал разговор трех полковников. И лейтенанты внимали моим словам, но одновременно и полковников вниманием не обижали.

Хитрый местный полковник спросил иначе:

– И какими силами собираетесь выступить?

– Мы выступить никуда не собираемся. Пока, по крайней мере... Приказ будет, выступим куда угодно. Дорогу будем охранять.

– А кто приезжает-то? – не выдержал прикомандированный полковник.

– Вы не знаете? – Переславцев поочередно посмотрел на одного и на другого.

– Не знаем...

– А я – так тем более. Я думал у вас спросить...

Антон Петрович хитро улыбнулся, и гости поняли, что он откровенничать не расположен. И это еще больше возбудило их, хотя получить сведения здесь они, кажется, уже не рассчитывали.

Полковники уехали, а Антон Петрович посмотрел на нас с легкой улыбкой и торжеством во взгляде. Не потому посмотрел, что мы были в курсе всего, а просто потому, что мы рядом оказались. И взгляд полковник Переславцева показывал, что все идет прекрасно. Машина провокации запущена. И начинает работать система испорченного телефона. Если бы просто дать сообщение, что в район намеревается приехать какая-то важная комиссия из Москвы, это не сработало бы. У ФСБ есть возможность проверить данные по своим

служебным каналам. Если ходят слухи, если кто-то что-то не договаривает, то создается ощущение соблюдения повышенного режима секретности и еще большей недоговоренности. В этом случае даже то, что обеспечение безопасности и охрана доверена спецназу ГРУ, а не обычным государственным системам охраны, работает на план дезинформации.

Вывод – особо важная миссия.

* * *

Моя машина сочеталась с моей импозантной бородкой. Внешность оригинальная, и машина должна производить более оригинальное впечатление, чем «Волга» Корчагина. Но, если учитывать ограниченность в средствах и реальную возможность в какой-то острый момент расстаться с этой машиной без душевных мук, то авто должно быть не новым. Таким я и пользовался. Самый маленький внедорожник из всех внедорожников – «Сузуки Джимни», трехдверный, тесный, и при том шустрый и верткий, как таракан, а по проходимости превосходящий даже знаменитый «Хаммер». Конечно, ограничения в скорости меня слегка расстраивали. Я имею в виду не правила дорожного движения, а возможности автомобиля. Тем не менее я мог проехать на своем «Джимни» там, где никто не проедет. Пока меня это вполне устраивало. Да и в городских пробках «Джимни» оказался более практичным, чем любая солидная машина. Мог протиснуться между двумя рядами, мог перебраться через бордюр и совершить объезд по тротуару, да и вообще протиснуться в любую щель.

Машину я держал в чужом гараже, временно предоставленном мне не только для собственного транспортного средства, но и вообще, как говорится, в качестве помещения на всякий случай. Товарищи позаботились. Но позаботились негласно.

Уже у ворот гаража я, посмотрев на часы, отдал ключи от двух замков Вадиму, отошел в сторону, чтобы Корчагин не слышал разговор, и позвонил по знакомому номеру.

– Товарищ полковник... Капитан Беклемишев.

– Да, Паша. Я скоро выезжаю...

– Нет, товарищ полковник. Извините... Старшему прапорщику Хосту менты бок прострелили. Я вынужден сам выступить в качестве прикрытия старшего лейтенанта Корчагина. Встречу придется перенести.

– Плохо, но я не могу возразить. Что с Хостом?

– Отлеживается. Ранение легкое.

– Как он так умудрился? Вальтер парень осторожный.

– Обстоятельства. Более проявленные, чем в моем случае, – заступился я за Вальтера.

– Последствия какие-то есть? Я о ментах спрашиваю.

– Живы... Пусть пока живут.

– И то хорошо. Когда приедешь, позвони. Если документы интересные и требуют оперативных мероприятий, можешь звонить сразу с места. У меня в Чечне группа остается только до завтрашнего утра. Могут успеть что-то сделать.

– Понял, товарищ полковник. Я позвоню в любом случае.

Корчагин уже открыл гараж, и ждал, когда я выеду, чтобы снова навесить замки. Выхать мне было недолго. Там же, в гараже, я вытащил из ящика верстака парочку переговорных устройств. Связь должна была нам понадобиться. По крайней мере, могла нам понадобиться. Хотя афишировать ее наличие было совершенно ни к чему. Но каждое из переговорных устройств размером было чуть больше «мобильника», и спрятать эту радиотехнику в кармане было несложно.

– Едем? – Я вручил одну «переговорку» Вадиму.

– Оружие оставлять не надо? – спросил он с надеждой.

– Не надо, – утешил я его. – Мой пистолет в машине.

– Мой тоже.

Лет двадцать назад, в самый разгул криминала, если машину останавливали милиционеры, ее частенько обыскивали. И тогда возить с собой оружие было рискованно. Сейчас проще. Сейчас обыск машины проводится только по наводке. Нам этого опасаться не следовало. Если на нас наведут, машину обыскивать не будут, ее просто превратят автоматными очередями в дурашлаг для промывки мелкой вермишели. А в случае обыска найти пистолеты, я думаю, будет не просто. Тайники не мы делали, их оборудовали профессионалы из технических служб ГРУ. При желании, в эти тайники можно было и по гранатомету положить. И все прикреплялось, ничего не гремело в дороге.

– Едем...

* * *

Покидали Москву по Ярославскому шоссе. Это, конечно, не по шоссе Энтузиастов выезжать, где потеря нескольких часов гарантирована, но тоже удовольствия мало. Я бы мог воспользоваться юркостью своего «Джимни» и кое-где проскочить побыстрее, но Вадим повторять мои маневры был не в состоянии, и потому мы ехали в общем потоке машин, если наш способ передвижения вообще можно было назвать ездой.

Я рассчитывал добраться до Судиславля часов за шесть – шесть с половиной. Тогда у нас будет еще полтора часа в запасе. Этого времени должно было хватить, чтобы совместными усилиями осмотреть предполагаемое место встречи и соответствующим образом подготовиться к ней. Затянувшийся выезд из столицы входил в мои расчеты. Не в первый раз приходится выезжать из Москвы, и потому ситуацию я знал.

Чем дальше от Москвы, тем больше ускорялось движение, и скоро стало вообще возможно не ползти, а ехать.

ГЛАВА 2

ПОЛКОВНИК ПЕРЕСЛАВЦЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ. КОМАНДИРОВКА НЕ КОНЧАЕТСЯ

Дома я опять не ночевал.

Утром позвонила жена. Она у меня понятливая, и соображает, что такое горячие деньки.

– Устал?

У меня в кабинете сидели пять офицеров. Тоже домой никто не поехал. Когда там, в Чечне, разворачивается операция, тем, кто ее разрабатывал, не до отдыха.

– Слегка. Но у меня в кабинете раскладушка есть. Я пару часов поспал... – соврал я. Никакой раскладушки у меня не было, и спать можно было только на рабочем столе, чего я себе никогда, кстати, не позволял. Но со сном и сонливостью я умею бороться простым усилием воли, и потому несчастным, если не высплусь, себя не чувствую.

– Когда приедешь?

– Когда освобожусь. Может быть, не сегодня.

Она вздохнула.

– Ладно. Буду ждать. Пару часов выберешь, приезжай. Рядом ведь, не в Чечне сидишь.

Я положил трубку.

Сегодня не в Чечне... До дома от управления добираться двадцать минут на общественном транспорте. И можно успеть за два часа и перекусить, и часик вздремнуть. Но я хорошо знаю, что подобное расслабление к хорошему результату не приводит. И выспаться не успеешь, и рабочий ритм потеряешь. И это независимо от того, в Москве находишься или на Северном Кавказе.

Я оставался между Москвой и Северным Кавказом, поскольку постоянно мотался туда и обратно, но числился постоянно находящимся там. И даже командировочные мне выплачивали постоянно, чтобы не переоформлять документы по несколько раз за неделю. Так вот оно получилось, что стандартная полугодичная командировка на Северный Кавказ растянулась для меня на два с половиной года, и неизвестно было, *когда* она закончится, а самое главное, неизвестно было, *чем* она закончится. Обычно полугодичные командировки жестко привязываются к какому-то конкретному мероприятию. Ситуация стандартная. Группы прибывают, и их используют по мере необходимости. В нашем случае было сделано исключение. Нам просто дали срок: за полгода найти и уничтожить Ваху-Взрывателя. Если бы справились раньше, группу не стали бы держать в Чечне. Но сказать легче, чем сделать.

Мы, может быть, и сумели бы справиться с задачей, если бы не этот трагический случай с расстрелом автомобиля, в котором оказались мирные жители, в том числе две женщины и два ребенка, один из которых погиб. А потом следствие, судебное разбирательство, один суд, второй суд, подготовка к третьему – и во всем этом я был обязан участвовать, как командир группы, проводившей эту злополучную операцию. При этом никто с меня не снял ответственности за невыполненное задание, и группа по-прежнему дислоцировалась в Чечне, по-прежнему занималась поиском Вахи-Взрывателя, который свою деятельность не оставил, только стал работать более осторожно да и, пожалуй, реже демонстрировал уже привычную людям наглость. В составе группы время от времени проводили пятидесятипроцентную ротацию. Одни убывали, другие прибывали, чтобы потом снова поменяться местами с первыми. Посторонних в группу старались не включать. И только трое не подлежали ротации – капитан Павел Беклемишев, старший лейтенант Вадим Корчагин и старший прапорщик Вальтер Хост. До вынесения приговора лишить их звания и уволить из армии никто не имел права. Они чис-

лились на службе, только жалование теперь получали не в финчасти общим порядком, а у меня лично из рук в руки.

Перед первым судом всех троих взяли под стражу. Причем в следственном изоляторе держали по отдельности, в камерах с уголовниками. Хорошо хотя бы то, что не посадили в одну камеру с кавказцами, иначе там мог бы произойти ненужный конфликт. Следственные органы у нас любят такие эксперименты. Я сам разговаривал со старшим следователем по особо важным делам полковником Артуром Юрьевичем Розовым, который вел дело наших парней, и предупредил, что если парней посадят вместе с кавказцами, будет кровь, и в организации этой провокации спецназ ГРУ обвинит именно его. Полковник Розов обещал проследить, чтобы такого не случилось. На него у меня надежды было мало. Он вообще показался мне надутым индюком, осознающим в мире единственную вещь – собственную важность. Но мой аргумент на старшего следователя впечатление, видимо, произвел. Зачатки какого-то конфликта в следственном изоляторе все же появились, но были быстро ликвидированы вмешательством Артура Юрьевича.

Самому мне оказывать на него давление было сложно, поскольку я, в дополнение ко всему, сам проходил по тому же делу – сначала даже в качестве подозреваемого, отдавшего приказ на уничтожение той злополучной машины; потом, после долгого разбирательства, в качестве свидетеля. Тем не менее я считался, как это называется, фигурантом, и потому каждое мое слово контролировалось. Дело было вообще на строгом контроле у верхних инстанций и имело международный резонанс. Но несколько звонков от руководства ГРУ Розов все-таки получил. И все звонки касались непосредственно условий содержания обвиняемых.

Тогда еще, на первом этапе следствия, старший следователь по особо важным делам проявлял лояльность и мог позволить себе некое барственное благодушие. К добрым словам прислушивался, однако это длилось только до суда. Сам суд проходил в Ростове-на-Дону. И присяжным заседателям предстояло решить вопрос о виновности подсудимых. Накануне из ГРУ в район были откомандированы лучшие специалисты поиска и лучшие аналитики и психологи военной разведки, для подготовки аргументированного ответа на обвинения. Аналитики плотно работали с адвокатом, поскольку к самим обвиняемым их никто не подпускал, и линия поведения обвиняемых перед присяжными заседателями разрабатывалась и оттачивалась, можно сказать, заочно, через третье лицо. Это было плохо, тем не менее, другого варианта у нас не было.

Принцип защиты самим адвокатом был выбран тоже с помощью аналитиков и психологов ГРУ, которые учитывали, где состоится заседание суда. Ростов-на-Дону расположен очень близко к республикам Северного Кавказа, и представителей кавказских народов в городе и в области довольно много. А как ведут себя кавказцы повсеместно, не знает разве что только человек с парализованным мозгом. Конечно же, местное население было сильно недоволено таким положением вещей, а донские казаки народ горячий, и свои права отстаивать умеют и желают. Это вовсе не апатичные жители центральных областей России. Присяжные заседатели были набраны из числа этих казаков и потомков казаков, и потому были, естественно, сильно подвержены общим настроениям недовольства ситуацией в регионе. В принципе, ситуация в Ростовской области повторяла ситуацию в любой области России, только, учитывая традиционную активность местного населения, здесь она была более ярко выражена. На этом и играл адвокат в своей защитительной речи. Тактика оказалось правильной. Полный торжества, надутый, как и старший следователь по особо важным делам Розов, обвинитель был уверен в признании вины обвиняемых. Но не помогла даже больше политическая, чем юридическая, речь адвокатов потерпевшей стороны. Присяжные заседатели единогласно и однозначно не признали вину двух офицеров и одного старшего прапорщика. Стоило посмотреть после судебного заседания на Артура Юрьевича. Выглядел старший следователь так, словно на него потолок

зала судебных заседаний упал. Все его старания, все его, как казалось старшему следователю, безукоризненно подготовленные аргументы рассыпались под простой логикой защиты.

Местные кавказцы были быстро организованы. Они попытались провести свою акцию у зала судебных заседаний, но их сначала оттеснил ОМОН, а когда ситуация стала накаляться, позади омоновцев остановились три тентованных грузовика, из которых неторопливо, разминая руки и ноги, выгрузились три взвода спецназа ГРУ в полной боевой экипировке. Что может произойти, демонстранты поняли сразу. Кавказцы притихли и подчинились ОМОНу. Чуть позже были остановлены несколько машин, в багажниках которых оказались кучи камней и бутылки с «коктейлем Молотова»⁴, готовые к употреблению. Кому-то хотелось сделать этот суд событием политической важности, и спровоцировать беспорядки. Только одно появление трех взводов спецназа ГРУ эти попытки пресекло в корне.

Освобожденные в зале суда из-под стражи Беклемишев, Корчагин и Хост уехали из Ростова под охраной того же спецназа ГРУ. Это была победа, но ликование длилось недолго. Уже через день всех троих опять сначала задержали, а потом и оформили арест для возобновления следствия. Доказательства, предъявленные старшим следователем по особо важным делам Розовым, были признаны недостаточными для признания их виновными, но военная прокуратура, получив, видимо, сверху указание, возобновила дело и начала следствие.

Этот факт не мог не заставить всех нас насторожиться. Действия военной прокуратуры, как показывали события, были направлены против всего спецназа ГРУ, и шло это вовсе не от произошедшего события, а совсем по другой причине. На спецназ ГРУ откуда-то следовала мощная атака, и это чувствовалось явственно. Но, когда тебя атакуют, ты бываешь вынужден защищаться. И защита стала выстраивать новые бастионы...

* * *

Нападение – в данном случае нападением можно было назвать следственный комитет при военной прокуратуре и саму военную прокуратуру – четко уловило, каким образом удалось убедить присяжных заседателей. И вывод повлек за собой последствия. Не имея никаких дополнительных аргументов для нового судебного заседания, следствие потребовало переноса его на другую территорию. И перенесли. Сразу в Москву. Посчитали, видимо, что там, под приглядом иностранных журналистов, присяжные заседатели будут более стоворчивыми и менее подверженными эмоциям. Но следствие в очередной раз не учло того, что в самой Москве ситуация ничуть не лучше, чем в Ростове-на-Дону. И москвичи, из которых набирают присяжных наблюдателей, чувствуют себя на своих же родных улицах очень беспокойно как раз по причине множества населивших страну представителей кавказских народов, всегда агрессивных и пытающихся самих москвичей заставить жить так, как хотят приезжие. Защита не видела причин менять тактику. Эта тактика могла бы не сработать где-то в Страсбурге, но в любом российском городе она была обречена на успех, если успех дела зависел от присяжных заседателей.

Наученные горьким ростовским опытом, сторонники пострадавшей стороны пытались и в Москве организовать акции. Но там с ними не церемонились. Во-первых, зная о том, что было в Ростове-на-Дону, перекрыли движение на ближайших улицах и осматривали машины, которые стремились проехать к зданию суда. Сразу было задержано несколько автомобилей с

⁴ «Коктейль Молотова» – зажигательная смесь, состоящая из смеси масла и бензина с фитилем, вставленным в пробку. При необходимости фитиль поджигался, бутылка бросалась, разбивалась, и жидкость загоралась от фитиля. Впервые такие бутылки были использованы при обороне Москвы в Великую Отечественную войну, и ими было сожжено множество немецких танков. Тогда же зажигательная смесь получила свое название, хотя неизвестно, какое отношение имел министр иностранных дел СССР Молотов к этому коктейлю. В настоящее время – излюбленное средство агрессивных демонстрантов во многих странах мира.

теми же камнями и «коктейлями Молотова» в багажниках. А поскольку разрешения на митинг и даже на пикетирование не было получено, местные милиционеры быстро навели порядок, без шума отодвинув в сторону наиболее яростных организаторов беспорядков, и, загрузив их в свои машины, отвезли за пределы города. Там их просто высадили, предоставив возможность каким угодно путем добираться до Москвы.

Так порядок за стенами здания суда был установлен. А в суде все проходило точно по тому же самому сценарию, что и в Ростове-на-Дону. У обвинения изначально не было никаких шансов на успех, поскольку не было ни одного нового факта. А группы спецназа ГРУ, работавшие в Чечне, добыли новые факты и предоставили их присяжным заседателям. Дело закончилось повторной победой, опять не удовлетворившей обвинение, но сами обвиняемые были во второй раз освобождены из-под стражи в зале суда.

Все понимали, что на этом процесс противостояния с прокуратурой не закончится. Даже сам государственный обвинитель заявил об этом. Скоро стало известно, что прокуратуре удалось добиться решения о новом рассмотрении дела – уже коллегией военного трибунала, а не присяжными заседателями. Судя по тому, как легко это решение было пробито в инстанциях, кто-то сильно заинтересованный и властный помогал обвинению. И сомнений не было, что весь процесс направлен не против самих обвиняемых, а конкретно против спецназа ГРУ или даже всего ГРУ в целом. И давление, видимо, оказывалось на многие инстанции. По крайней мере, даже в самом Министерстве обороны и в Генеральном штабе резко сменили мнение о существовании дела. Но если дело направлено против ГРУ, то ГРУ обязано было защитить своих бойцов, чтобы в итоге защитить себя. И снова была проведена большая оперативная работа с привлечением многих современных спецсредств контроля. Поскольку официального запрета высказано не было, было задействовано даже управление космической разведки, не говоря уже о сборе сведений всеми возможными способами в самой Чечне и в Москве. И появился результат, который можно было бы использовать.

Следствие надеялось на лояльность военного трибунала. Агентура, отслеживающая действия родственников и адвокатов пострадавшей стороны, сумела выяснить, что идет сбор средств, и средств немалых, но направлены эти средства должны были быть вовсе не на услуги адвокатов, поскольку сами адвокаты этот сбор средств и инициировали. Возник вопрос, для чего собираются деньги, и, чтобы выяснить это, был усилен контроль за деятельностью нескольких человек. Кое-что удалось сделать даже в превентивном порядке. Так, около миллиона трехсот тысяч долларов перевозилось в Москву частями. Естественно, такие средства наличными перемещать без охраны было рискованно. Около пятисот тысяч долларов перевозили в машине. Была выставлена охрана, и, как определили наши спецы, она была нанята из среды чеченских бандитов, находящихся в розыске, – и следовала, естественно, не без оружия. Данные были переданы в МВД, но не в Москву, а в территориальные органы, у которых не было времени на консультации с командованием. И по дороге машину блокировали два «Тигра» и автобус. Парни в «краповых» беретах не дали бандитам ни секунды на раздумья: двоих разоружили, третьего застрелили. Курьер с наличными, да еще под охраной разыскиваемых боевиков – дело явно тянуло на терроризм. По крайней мере, местное управление внутренних дел имело право так думать. Но главное было в том, что сумма до адресата не дошла.

Вторая машина везла всего четверть миллиона долларов. И тоже под охраной. А здесь данные были подсунуты уже не МВД, а натуральным русским бандитам. И машина с деньгами, и чеченские бандиты бесследно исчезли. Тем не менее, часть денег – и немалая – была доставлена в Москву. Но и доставлена тоже под нашим контролем. Не имея права на следственные действия, военная разведка все же не могла бы существовать, не умея она такие действия проводить. Правда, эти действия официально могли быть проведены только на территории чужой страны, являющейся потенциальным противником. Но что делать, если противник объявился в своей стране? Таким образом, даже в кабинете судьи военного трибунала, которому пред-

стояло рассматривать дело группы капитана Беклемишева были установлены микрофоны подслушивающей аппаратуры и две видеокамеры.

Мы понимали, куда должны были поступить деньги, собранные в Чечне и частично добранные у московских чеченцев. И готовы были предъявить не кому-то, не следственным органам и не службе собственной безопасности военного трибунала, а самому судье кадры видеозаписи, чтобы добиться такого приговора, на который мы могли рассчитывать. Однако дело повернулось к нам неожиданной стороной, и нашему изумлению не было предела. Никто из нас не мог ожидать, что в стране остались настолько честные судьи, что отказываются от полумиллиона долларов наличными. Судья военного трибунала согласился жить на свое подполковничье жалование и взятку не взял, хотя имел возможность существенно изменить свою жизнь. Хорошим оказался человеком, но это добавило нам хлопот, на которые мы не рассчитывали.

После такого отказа судьи от взятки мы проявили халатность и слегка расслабились, считая, что и в новом процессе повторится то же самое, что в двух предыдущих. И не учли активность противоположной стороны. Не обвинения, конечно, – оно не имело возможности активизироваться настолько, чтобы стать серьезным противником, способным нанести урон. Активизировались родственники и те, кто был с родственниками заодно. Может быть, были задействованы друзья, может быть, были опять наняты бандиты...

* * *

Когда мне позвонил Паша Беклемишев, я находился в Грозном. Он сообщил, что какой-то человек с кавказским акцентом позвонил Вальтеру Хосту и вызвал его из квартиры на улицу для разговора. И Вальтер пропал.

У меня, признаться, мелькали мысли, что родственники погибших не останутся ни перед чем, даже если третье решение суда будет не в их пользу. Но всерьез такую версию я не рассматривал. А рассматривать следовало. Но после звонка капитана все соображения выстроились в логическую цепочку. Если судья не взял взятку, значит, он не вынесет обвинительный приговор – так посчитали родственники и адвокаты потерпевшей стороны. И решили перейти к собственным активным действиям. Этому следовало срочно что-то противопоставить.

– Паша, уходи из дома. Предупреди Корчагина. Жди звонка. Моего или еще чьего-то знакомого. Ни в какие посторонние контакты не вступать. Вы у них на очереди. А эти парни шутить не умеют. Осторожность предельная.

– Понял, товарищ полковник. Сразу звоню Вадиму.

– Давай. А я пока в Москву позвоню. Я сейчас в Грозном.

Вызвать оперативную группу было несложно. Сложно было найти следы Вальтера. Группа выехала на место, а я стал созваниваться с авиаторами, чтобы срочно выбраться в Москву. Я словно чувствовал, что Беклемишев может наломать дров. Характер у него такой, что может позволить себе пойти напролом. Он и наломал... Правда, не дров, а костей. Причем по-крупному.

Как капитан нашел адрес адвоката-чеченца, главного в группе адвокатов и наиболее активного – того самого, что пытался вручить судье взятку, – я не знаю. Но он нашел его. И не только этого, но еще трех вооруженных парней с ним вместе. Чеченцы снимали в Балашихе частный дом. Это уже сам Беклемишев потом мне рассказал. Вместе в Вадимом Корчагиным они добрались туда, перескочили забор и устроились под распахнутым по причине жары окном. Но слушать разговоры им было неинтересно, потому что разговаривали в доме на чеченском языке, которого ни капитан, ни старший лейтенант не знали. Тем не менее, они не торопились. И дождались своего момента. Кто-то позвонил адвокату на «мобильник», и тот стал разговаривать по-русски. Из разговора выяснилось, что вскоре в дом должны кого-то при-

везти. И еще удалось понять из разговора, что привезти должны были троих, но двоих других найти не удалось. Естественным было предположение, что привезти должны были Вальтера Хоста.

Корчагин нашел у стены сарая старую лопату, и занял позицию у окна. Беклемишев перешел к входной двери. Вскоре вышел один из чеченцев. Покурить решил на свежем воздухе. Одного удара бандиту хватило, чтобы получить перелом основания черепа. Беклемишев знает толк в ударах. Забрав у бандита оружие, капитан перебрался сначала в сени, прислушался там к происходящему в доме, и после этого вошел. Это он, конечно, говорил, что вошел. Я понимаю, что он влетел пулей, если никто из вооруженных присутствующих там людей не успел в него выстрелить. Один из чеченцев, правда, попытался выпрыгнуть в окно после того, как Паша выбил у него из руки пистолет, но нарвался горлом на лопату. Сам виноват. Нельзя же так неосторожно прыгать с подоконника...

Меньше всех досталось адвокату. С ним хотели поговорить и снять показания, как говорят следователи. У нас это звучит проще – допросить. Причем допросу спецназ ГРУ обучен по методике, применяемой в тылу врага в период боевых действий. Однако у адвоката сердце оказалось слабым. Он умер одновременно с первым вопросом. От страха, видимо.

Но умер адвокат вовремя, потому что на улице раздался звук автомобильного сигнала. Капитан выскочил во двор и дал знак Корчагину, чтобы тот открыл ворота. К удивлению офицеров, во двор въехал милицейский «уазик». Не разобрав в темноте, кто их встречает, из машины вышли два мента и чеченец. Последнему сломали шейный позвонок – смерть мгновенная и безболезненная. А ментов слегка побили, но оставили в живых. Так решил Беклемишев. В машине, в отделении для задержанных, где стекла забраны металлической сеткой, сидел в наручниках старший прапорщик Хост. Вальтер не слишком удивился освобождению и заявил, будто знал, что друзья его вытащат.

Менты с удовольствием давали показания на своего начальника, пославшего их. И собственноручно написали все, что говорили. Оба понимали, что влезли в дело не только криминальное, но и политическое; более того, вступили в противостояние с военной разведкой, с ее спецназом. И потому без возражений согласились выполнить приказание так сильно и больно бьющих людей. А приказание было простое: увезти на своей машине трупы и спрятать так, чтобы никто не нашел. Если найдут, показания ментов окажутся в прокуратуре. Ментов такой оборот дела устроил. Когда трупы были уже загружены, грузчикам объяснили, что после выполнения похоронного ритуала они могут вернуться в дом и забрать оружие, которое будет лежать под крыльцом. Но не раньше, чем через час. Сделать это было необходимо, чтобы менты молчали. При потере оружия молчать они не смогут при всем желании.

Я потом выяснял.

Молчать они не сумели. И капитан, старший лейтенант и старший прапорщик перебрались на нелегальное положение. Но и в этом положении принимали активное участие в продолжении операции, которая для них чуть было не закончилась плачевно.

КАПИТАН БЕКЛЕМИШЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ. БЕГЛЕЦОВ НЕ ИЩЕТ ТОЛЬКО ЛЕНИВЫЙ

На подъезде к Судиславлю, увидев дорожный указатель с названием поселка «Западный», я включил в кармане переговорное устройство и отправил сигнал вызова. Разговаривать пытался, не вытаскивая саму «переговорку» из кармана, чтобы испытать ее в режиме свободных рук.

Ответный сигнал прозвучал сразу.

– Я еду... За тобой лесовоз, я за ним...

Я и без подсказки знал, где едет «Волга» Корчагина, потому что постоянно следил за ним.

- Как слышишь? – поинтересовался я.
- У меня громкость включена минимальная, – ответил Корчагин. – Машина голос забивает. Вне машины слышимость будет лучше.
- И то ладно. Мы не в машинах общаться будем. Я тоже перевожу громкость на минимум. У меня прибор вообще в кармане лежит. Проверяю работу в этом режиме.
- У меня тоже в кармане. Потому и слышимость ограничена.
- Друг друга понимаем, и это хорошо. Кричать нам не обязательно. Будь готов. Мы подъезжаем. Едем напрямую в Судиславль. Гони за мной, но по сторонам смотри.
- Понял.

Мы проехали через Западный, миновали пост ГИБДД на развилке дорог. Окна поста были закрыты деревянными щитами, рядом стояла милицейская машина, но самих ментов видно не было. Возможно, залегли в ближайших кустах. Непонятно только, зачем, если не замаскировали машину. Но причина залечь может быть разная, и нам до нее дела было мало.

Основная дорога вела налево, мы поехали прямо: я загодя по карте посмотрел куда ехать. Налево – объездная дорога. Более разбитая – ведет к центру Судиславля, где на горе высится старинная большая белая церковь, которую, кажется, реставрируют. Внизу, под горой, главная площадь городка, на которой традиционный Владимир Ильич мокнет под дождем и перегревается под солнцем. По периметру небольшой площади множество магазинов, и здесь же множество машин. И местных, видимо, и проезжающих. Там мы и остановились.

* * *

Вадим пересел в мою тесную машину, и даже шею вытянул, пытаясь затылком достать потолок. К моему удовольствию, не достал, хотя ростом был чуть выше меня, чем вызвал даже у меня улыбку.

- Поместишься...
- Как ни странно, поместился.
- Что видел?
- Две стоявшие машины. В каждой по два кавказца. Слишком похоже на посты.
- Да. Я тоже их выделил. Не слишком ли много кавказцев для небольшого городка в этих северных краях?
- Их везде полно. Но на одной улице, плюс к тому же рядом располагается Альтемир Атабиев – это, мне кажется, много. Если только они здесь не проживают компактно.
- Ловушка?
- А как определишь, в нее не попал? Не уезжать же, если в такую даль притащились. И не бить же их в очередной раз без причины?
- Потому я и поехал в подстраховку, – сказал я. – Будем определять. И бить, если определим. Только тогда уже бить всерьез.

Ко всякого рода ловушкам у меня отношение было собственное. Я всегда считал, что врагов не может быть бесконечное количество. А если их не бесконечное количество, то ловушки следует не обходить, а уничтожать. В этом случае будет больше шансов в следующий раз избежать угрозы для своей драгоценной и любимой жизни. Я слишком много имел дел с кавказцами, чтобы верить в те легенды, которые они сами о себе распространяют. Они просто пугают людей этими легендами о себе. Конечно, они друг друга поддерживают. А во всем остальном они ничуть не хуже других бандитов и ничуть не лучше, и бить их можно точно так же, как других. И уничтожать если потребуется тоже.

- Поворачивать я должен...
- Где стоит колесный трактор с разломанным бортом тележки.
- Понял.

- Третий дом с правой стороны.
- Как подходить будем?
- С соседней улицы. Через огороды.
- На какой машине поедем?
- На разведку пойдем своим ходом. Потом ты подъедешь на «Волге». Если будет необходимость подъезжать.
- Идем? – Вадим был уже готов к действиям.
- Слишком светло.
- Пока доберемся...
- Да. Идем.

* * *

Автомобилей на площади стояло много. И на две лишние машины никто не обратит внимания. Мы оставили автомобили, вооружились и не спеша двинулись к поселку Западный. Вечерние улицы городка были малолюдны. Только дважды нам навстречу попались пары пьяных парней, но они агрессивность не проявили.

Так, пешком, мы вышли из Судиславля и миновали стометровый разрыв между городком и поселком Западный. В почти наступившей вечерней темноте прошли по самому поселку, где вообще никого не встретили. Не доходя двух кварталов, каждый из которых состоял из трех дворов, до угла, где был припаркован трактор, мы свернули налево, прошли еще два квартала, и увидели машину, стоящую прямо на дороге. В поселках типа Западного, видимо, считается плохим тоном устанавливать на улицах горящие фонари. И потому определить, кто сидит в машине, было невозможно. Но кто-то там сидел, хотя не ясно было даже то, сколько человек, потому что стекла на задних дверях были глубокой тонировки.

Свет в домах горел, но не во всех, потому что некоторые стояли откровенно брошенные, и даже в сумраке эти дома зияли черными глазницами окон. Мы миновали еще один квартал и миновали лесопилку. Я уже знал, что лесопилка эта принадлежит Альтемиру Атабиеву, и является средством в его успешном, как говорил отставной капитан ФСБ, бизнесе. И, на всякий случай, решил проверить, насколько этот бизнес успешен. Переглянувшись с Корчагиным, мы обменялись знаками и легко перемахнули через невысокий дряхлый забор.

К моему удивлению, на самой лесопилке, длинном дощатом сарае, даже замка не было. Я включил простенький китайский фонарик-авторучку. Свет неяркий, но достаточный, чтобы что-то рассмотреть. Лесопилка явно давно не эксплуатировалась и была покрыта слоем пыли. Вывод был прост: Альтемир врал. Бизнес у него совсем другой, скорее всего, чисто национальный, то есть криминальный. А лесопилку он приобрел для прикрытия. Может быть, иногда здесь и работают, но нечасто. А прикрытия иметь следовало. Иначе как объяснить покупку шикарного внедорожника «Порше Кайенн»? Альтемир встречался со мной как раз, когда купил эту машину.

Осмотр закончился без результата, если не считать результатом выводы, которые я сделал. Но о чем эти выводы говорят, сказать конкретно было пока сложно. И обвинять в чем-то Атабиева было нельзя. Хвастовство практически у всех кавказцев в крови. Он мог хвастаться и без злого умысла и не было никаких данных о том, что Альтемир что-то против нас задумал. Пока он показывал себя только как помощник. И несколько раз даже действительно помогал по мелочи. У него с республиканскими чекистами свои счета. Мне так, по крайней мере, показалось. Естественно, я не спрашивал Альтемира, сам он из ФСБ ушел или его уволили. Но даже если сам ушел, этому должны быть причины. Ему могли создать условия, невозможные для дальнейшей службы. А этого ни один горец простить своим противникам не сможет. Видимо,

это и послужило причиной, по которой Альтемир пожелал помочь мне. Мне не случайно дали его телефон.

Пока, однако, ничего подозрительного, кроме нескольких машин, занимающих, как мы с Вадимом одновременно определили, ключевые позиции на подходах к кварталу, обнаружить не удалось. Может быть, эти машины не имели никакого отношения к нашей встрече с бывшим капитаном. Тем не менее, проверку необходимо было продолжить. И мы ее продолжили.

За соседним забором, на территории, где стояли автомобильные краны, лаяла собака. Двор Атабиева находился как раз через дорогу.

– На нас собака лает? – спросил я Вадима, чтобы сверить свои ощущения с его ощущениями. Когда полной уверенности нет, совпадение мнений может оказаться правильным, а разногласие потребовать проверки. В этот раз мнение совпало.

– Если только она сидит на цепи у ворот. Оттуда слышит и поругивается...

– Двигаем дальше, – предложил я напарнику.

Обратная дорога через забор закончилась небольшой неприятностью. Целое звено забора рухнуло. Шум от падения мог привлечь чье-нибудь внимание. Мы замерли, прислушиваясь. И услышали, как открылась дверца машины; кто-то вышел, что-то сказал на незнакомом языке и прислушался, как и мы. Потом последовал обмен фразами двух человек. Через небольшой промежуток времени снова хлопнула дверца автомобиля. Судя по звуку, машина была российского производства. Это на наше счастье. Иномарки и открываются и закрываются почти бесшумно. Но направление мы оба определили верно и одновременно показали пальцами. Машина стояла за поворотом, ближе к дому Альтемира Атабиева. То есть нам, если бы мы сейчас туда направлялись, предстояло идти мимо этой машины. И это уже сильно напоминало блокировку. Сомнения отпадали. Ловушка была выставлена, причем большими силами, которые чеченцы по неопытности рассредоточили. И тем самым не только дали нам существенный шанс выйти победителями из возможной заварушки, но и себя обрекли на незавидную участь.

Но пока, до полного подтверждения наших предположений, мы предпочли обойти лишний квартал. В итоге попали на территорию какого-то заброшенного предприятия, во дворе которого стоял остов трактора и рама грузовика. Альтемир знал, где устроиться, чтобы обезопасить нам проход. Если, конечно, он хотел его обезопасить – более вероятным было бы предположить возможность жить без соседей, которые могут совать свой нос в его дела. За забором заброшенного предприятия располагался двор Атабиева, если я не ошибся адресом, а ошибиться я не мог, потому что он во время нашей последней встречи даже план мне нарисовал.

– Засада там... – показал мне Вадим пальцем за забор.

Я только кивнул. Думали мы одинаково, и развитие событий предполагали по одному сценарию.

Мы с Корчагиным молча начали осматривать забор, выискивая такое звено, которое не упадет и не выдаст нас. Тем не менее, и забор был слабым, и перепрыгивать через него было рискованно, потому что на фоне неба нас могли бы заметить. Но осмотр привел нас к незакрытым воротам. Мы аккуратно, скользящим шагом продвинулись между створками – и сразу пригнулись, спрятавшись за зарослями густой и высокой травы.

Двигаться напрямую через заросли было сложно. Обязательно что-то попадет под ноги – сухая ветка или камень, который пожелает стукнуться с другим камнем. И мы пошли по периметру: Вадим слева вдоль забора, я справа. Мой путь был чуть-чуть длиннее, потому я больше торопился, но передвигался крайне осторожно.

Только добравшись до угла, чтобы повернуть вдоль нужного нам забора, я понял, что не напрасно соблюдал меры предосторожности. Послышалось два приглушенных слова, и три слова в ответ. Говорили, кажется, не по-русски, хотя точно сказать я не мог. Но, если говорят, значит, там кто-то есть. А быть там могут только те, кто пожелал захватить старшего лейтенанта Корчагина.

Я сунул руку в карман и нажал кнопку вызова на переговорном устройстве. Пришлось пригнуться к вороту, чтобы Вадим услышал мои слова.

– Я слышал голоса. Говорят, похоже, не по-русски.

– Я тоже слышал. Я даже вижу их... – прошептал в ответ Вадим. – Пять человек...

– Атакуем. Стрелять только в крайнем случае.

– Козе понятно...

– Какой козе? – не понял я.

– За забором стоит. Маленький стожок, рядом с ним коза. Беленькая. Травку жует и на меня косится. Я ее в щель вижу. Просит не шуметь...

– Вот и не шуми. Выходим на дистанцию контакта.

– Понял.

Я отключил «переговорку», чтобы красный индикатор не просвечивал через рубашку, хотя я не знаю, просвечивает ли он. Просто на всякий случай. И совсем припал к земле. Я не полз, а передвигался гусиным шагом. Такое передвижение утомляло, но из этого положения можно было стремительно выпрямиться для нанесения удара. А ударов, как я понимал, предстояло нанести несколько и сразу, один за другим, до того, как бандиты опомнятся и успеют поднять оружие. Вадим с противоположной стороны двигался с небольшим опережением. Скоро и я увидел, как один из бандитов встал и замахал руками вкруговую: сначала назад, потом вперед. Видимо, разгонял застоявшуюся кровь, чтобы не заснуть. Ему что-то сказали, и он присел. Но этого было достаточно, чтобы определить место, где засели бандиты. И можно было идти увереннее. Теперь главное было, чтобы Корчагин не вышел раньше, посчитав, что я уже на месте. Увидеть меня ему не удастся при всем старании, точно так же, как мне его. Мы слишком хорошо умеем передвигаться скрытно. Но он должен понимать, что у меня дистанция обхода длиннее.

Я торопился, не забывая при этом об осторожности. И торопился не зря. Вадим посчитал, видимо, что я уже на месте, и выпрямился.

– Привет, молодые люди. А что это вы здесь делаете?

Он принял огонь на себя, давая мне возможность для атаки. Но бандиты тоже оказались опытными. Четверо вставали, повернувшись в его сторону, пятый смотрел в мою. И мне осталось сделать единственное – из своего согнутого положения, распрямляясь, как пружина, я совершил длинный скачок, сокращая трехметровую дистанцию, и нанес удар. Свой излюбленный, тот самый, что достался любителю носить чужие тапочки, – основанием ладони в лоб. Помнится, наш инструктор по рукопашному бою однажды говорил, что я этим ударом могу убить слона. Он у меня получается чрезвычайно резким. Лобовая кость у человека самая крепкая во всем скелете. Она выдерживает, но обычно ломается даже самая крепкая шея. Таковая у бандита была, в самом деле, как у быка, и уж точно шире, чем лоб. Но слонем он, как мне показалось, не был, и шея не выдержала. Бандит упал, но не на стоящих у него за спиной других бандитов, а просто осел там же, где стоял. По повороту головы я успел все-таки заметить, несмотря на то, что спешил нанести второй удар, как неестественно запрокинута голова. Значит, с этим парнем навсегда покончено.

Успел я вовремя, а бандиты не успели. Они поспешили схватиться за оружие, а вытащить из кобуры пистолет за долю секунды невозможно. А тут еще я помешал. Звук удара и звук падения тела вызвали замешательство среди бандитов, заставили одного обернуться, второго посмотреть через плечо, а еще двоих и вовсе испуганно завертеть головами. Этого времени Вадиму хватило, чтобы нанести удар. Я в этот момент бил уже во второй раз пальцами второй руки в глаза. «Вилка» получилась точной, бандит, закрыв лицо руками, со стоном присел. Но тут другой бандит попытался ударить меня ногой в голову. Я в это время собирался ударить присевшего локтем в темечко, а для этого удара следовало наклониться. Удар у меня получился, а нога бьющего просвистела над моей головой. Я шагнул к нему опять из полусогнутого

положения, вкладывая в боковой удар локтем всю силу и вес движения тела. Эффект от такого удара бывает аналогичным удару оглоблей. Противник рухнул на землю. Чтобы не пропустить нечаянный удар сзади, я отскочил на шаг и развернулся. Но за моей спиной все было уже кончено. Корчагин тоже знал свое дело.

– Они, кажется, *нас* искали, – сказал я.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – вывел резюме Корчагин. – Нас сейчас только ленивый не ищет. Пусть ищут.

ГЛАВА 3

КАПИТАН БЕКЛЕМИШЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ. ОДНИМ ПОМОЩНИКОМ МЕНЬШЕ

Коза за забором не блеяла, а плакала. Что-то ей не понравилось в обстановке.

– Козлов жалеет... – сделал вывод Вадим, кивнув на распростертые у нас под ногами тела, наклонился, взял последнего из бандитов одной рукой за подбородок, другой за затылок, и резко повернул подбородок влево. Раздался громкий хруст. Я много раз спрашивал специалистов, почему поворот подбородка вправо шею только травмирует, но позвонок не ломает. Ни один спец не дал мне точного ответа. Просто рекомендовали вправо не поворачивать – влево вернее.

Бандитов нужно было уничтожить. Всех бандитов нужно уничтожать. Этот закон мы давно уже усвоили там, на Северном Кавказе. Многократно приходилось встречаться с тем, что попавший в плен бандит через пару лет снова появлялся в горах и занимался тем же делом, но становился уже многократно злее, отчаяннее и безжалостнее. И потому суда они не боялись. Исключение составляли только крупные эмиры, на руках которых слишком много пролитой крови, чтобы их прощали. Оставь мы в живых этих пятерых, обозленные неудачей, они еще здесь, в центре России, много прольют крови, а потом вернутся домой, чтобы продолжать убийства там. Полковник Переславцев предупреждал меня, что родственники и адвокаты проигравшей суд стороны нанимают для поиска нас не случайных прохожих, а самых настоящих бандитов, причем нанимают целые вооруженные джамааты. А таких, в этом я твердо убежден, уничтожать нужно без сожаления, иначе потом они доставят людям много горя.

Но их прибыло не пятеро. И оставался еще Альтемир Атабиев, который знал номер моей трубки. Может быть, он не имел возможности отыскать меня через спутник с помощью функции поиска sim-карты. Но, кажется, при определенных условиях и без спутника можно обойтись. Какой-то поиск и сотовый оператор выполняет самостоятельно. Правда, для такого поиска требуется решение суда, однако бандиты могут и решение суда добыть, и на оператора повлиять. Они это умеют. А менять sim-карту бесконечно я не могу, потому что на моем номере держится множество связей. Тех связей, без которых мы не сможем выполнить свою задачу и оправдаться.

– Уходим? – спросил Корчагин.

– Заходим... – поправил я его. – В дом заходим. Нужно еще с Альтемиром поговорить.

Он понял мои намерения, кивнул, и взялся рукой за забор. Попробовал его на прочность. Впечатление было такое, что забор совсем недавно усилен и укреплен. В отличие от других участков, это звено было подготовлено для того, чтобы через него бесшумно перепрыгнуть. Я посмотрел в щель. Даже в темноте можно было разобрать, что по ту сторону забора насыпана небольшая горка песка, чтобы скрыть звуки. Мы с Корчагиным могли бы обойтись и без песка. Но если кто-то о нас так позаботился, то почему бы нам не воспользоваться дружеской услугой? Пусть эту услугу оказывают нам бандиты, уже не существующие в реальном мире...

Двор у Атабиева был небольшой; от забора, чтобы не попасть под взгляд из темного окна, пришлось пройти по периметру двора за кустами, потом вдоль изгороди, отгораживающей двор от огорода, и только так подойти к крыльцу в три ступени. Крыльцо выглядело ветхим и могло обладать вокальными способностями. Чтобы избежать скрипа, я шагнул через все ступени сразу на порог – благо дверь была распахнута. А дальше, в темных сенях, на секунду включил свой слабый фонарик, чтобы рассмотреть обстановку и сориентироваться. Корчагин оказался на пороге следом за мной, и тоже успел рассмотреть сени.

Мы шагнули к двери. Разговаривали двое, и разговаривали не по-русски. Беседа шла в спокойном тоне. Один голос казался даже мечтательным, и слегка знакомым, но это точно не был голос отставного капитана ФСБ. Мы с Корчагиным переглянулись, одновременно кивнули друг другу, и я потянул на себя дверь, надеясь, что она не закрыта. Дверь легко подалась, и мы одновременно шагнули через порог. Два кавказца сидели на табуретках между столом и выключенным телевизором. Я нанес свой коронный удар сразу, без остановки. Вадим с короткого разбега в два с половиной шага ударил второго в лоб каблуком. Рассматривать результаты своих действий я не стал, и сразу шагнул в дверь, чтобы проверить вторую и третьи комнаты дома. Там никого не оказалось, но за спиной раздался шум; я стремительно вернулся, и столкнулся с влетающим в дверной проем человеком. Я не собирался его бить, но колено сработало автоматически и столкнулось с чужой челюстью.

– Атабиев... – напомнил старший лейтенант.

– Его здесь нет, – констатировал я.

Вадим тут же стал проверять, кто из пострадавших жив. Первого перевернул лицом к свету, чтобы прощупать горло, и я убедился, что голос не зря показался мне знакомым. Это был один из адвокатов проигравшей стороны.

– Готов, – сообщил Корчагин. – После твоего удара мне работы не остается...

Он оставил адвоката и занялся другими, проверяя их шеи. А мне внезапно пришла в голову мысль. Я вытащил трубку, нашел в списке фамилию бывшего капитана ФСБ и нажал на кнопку вызова. Через несколько секунд в кармане адвоката раздался звонок. Я вытащил телефон. Точно, высветился мой номер. Значит, мои опасения подтвердились.

– Боюсь, что Альтемира они убили, – сказал я.

– Думаешь?

– Не добровольно же он отдал им трубку.

Вадим быстро закончил работу.

– Стожок рядом с козой. Пойдем, глянем. Непонятно, отчего коза бляела. От наших действий не должна была бы.

Мы вышли во двор, Вадим повел меня уверенно в закуток за сараем. Белая коза смотрела на нас выпученными глазами и жалась к дощатой стене. Корчагин запустил руку в стожок, чуть-чуть поворошил, и я понял, что он нашел нечто.

– Он уже давно остыл, – сказал Вадим. – Что делать будем?

– Искать документы, за которыми ты приехал, – поставил я задачу.

Мы вернулись в дом. Вадим потянул носом, присел перед печкой, и открыл ее.

– Все... Здесь жгли бумаги. Документов больше нет...

– Интересно, кто их сжег, Альтемир или его гости?

– Гостям зачем сжигать? Он сжег, чтобы им не достались. Они за документами приехали.

– Они за тобой приехали.

– И за мной тоже. Но документы, я думаю, все же основное.

– Могу с натяжкой согласиться, – кивнул я. – Но Альтемир был совсем не так прост, как со стороны казалось. Компьютера в доме нет?

– Ищем... Я не смотрел.

Мы внимательно осмотрели все комнаты. Даже намек на компьютер не было. А я хорошо знал, что Атабиев работал на компьютере. В моем присутствии работал. Если он имел свое предприятие, то, возможно, обходился компьютером в своей конторе. Но что он имел, и где эта контора находилась, сказать было трудно, а спросить не у кого. Допрашивать его убийц тоже бесполезно. Знали бы они, сами там все переворостили. Мне Альтемир говорил, что владеет лесопилкой. Но лесопилка давно не работала. Это мы проверили. Что у него могло еще быть? Слишком рискованно искать, имея рядом кучу трупов.

– Гараж... – вспомнил я. – Машина...

Вадим тут же осмотрел карманы гостей Атабиева и нашел ключи от машины.

Деревянный гараж стоял во дворе, только въезд в него был с улицы. Но со двора в гараж вела калитка. На наше счастье, амбарный замок на калитке оказался хотя и большим, но не крепким. Лом стоял рядом с крыльцом. И одного нажима хватило, чтобы замок поддался усилиям.

Шикарный внедорожник «Порше Кайенн Турбо» осиротел, но своей притягательности не утратил. Я сел на водительское место и повернул ключ, который вставлялся непривычно – слева от руля. Слабая подсветка приборов позволяла произвести осмотр автомобиля. Ничего интересного, намекающего на тайник, в котором могли бы храниться документы, на бумаге или на диске в электронном виде, не нашлось. Я хотел было уже выйти из гаража, когда Корчагин молча взял у меня фонарик, и стал тщательно рассматривать монитор мультимедийной системы с навигатором.

– Монитор недавно снимали... – заметил Вадим.

– Нам это интересно? – спросил я.

– Снимали не в сервисе. Работа грубая. Царапины есть.

– И что?

– Здесь навигационная система со своим жестким диском. И имеется USB-порт. Предполагаю, что через порт закачать данные не удалось, пришлось снимать жесткий диск и создавать отдельную папку, чтобы занести туда данные. Или даже выделить целый раздел диска...

Подумав несколько секунд, я снова повернул ключ зажигания и запустил мультимедийную систему. Управление в ней было сенсорное. Быстро пробежав по всем разделам, я нашел один, который не открывался без введения пароля. В обычных навигационных системах такого не бывает. Но вскрыть систему с паролем мы с Вадимом не могли, не хватало хакерской грамотности.

– Снимай жесткий диск, – распорядился я. – На верстаке набор инструментов.

Старшему лейтенанту потребовалось почти десять минут, чтобы справиться с работой, ничего не обрывая, а только отключая и отвинчивая. Один жесткий диск снять не удалось, пришлось снимать весь навигатор. Потом рукавом вытирать отпечатки пальцев: и на месте работы, и на дверных ручках, и вообще везде, куда наши руки касались. Наконец, Вадим выпрямился.

– Готово. Уходим?

– Уходим...

– Тех, в машинах, смотреть будем?

– В машинах?..

* * *

Как только мы получили сообщение, что песочного цвета «уазик», в который сели бандиты, двинулся в нашу сторону и минут через тридцать – сорок будет у нас, мы сразу же начали готовиться. В принципе, подготовка была простая. Пока машина далеко, мы подложили под корень сосны, росшей на крутом склоне, гранату «Ф-1». Взрывали ее с помощью шнура. Граната вырвала корни дерева из камней. Ствол лег точно поперек дороги. Правда, дорога здесь была полностью каменная, и только пылью присыпанная, и не имела кювета, и потому объехать препятствие возможность все же была. Но мы еще успели натаскать камней, чтобы объезд перекрыть или хотя бы замедлить движение «уазика», который при своей проходимости запросто может переехать камни.

Вадим с Вальтером залегли за сосной. Корчагин выбрал место рядом с корневищем и приготовил РПГ-7, Вальтер устроился в кроне. Я, по замыслу, должен был один предложить машине остановиться. А когда остановятся, мог бы предложить и сдаться. И даже не поле-

нился к бронезилету подцепить бронированную юбку, которую обычно носить не люблю. И стрелять я готов был первым.

Я и вышел на дорогу, как только появилась машина. Поднял автомат одной рукой, жестом второй приказал остановиться. «Уазик» резко вильнул, чтобы объехать крону сосны, но при этом явно намереваясь меня сбить. И потому пришлось не стрелять, а отпрыгивать в сторону. Как мы и предполагали, камни заставили автомобиль сбросить скорость, иначе подвеска разбилась бы вдрезг. Корчагин не сплеховал. Выстрел из РПГ-7 подбросил машину, перевернул на бок, и она загорелась. Я уже был на ногах, и вместе с Вальтером выдал несколько очередей по горящему транспорту. После этого можно было подходить без опасения. Мы помогли выбраться из огня только девочке лет пяти – семи. Больше из машины никто не смог выйти. Некому было больше выходить.

Но мы, глядя в пламя, еще не поняли, что бандитов там не было...

* * *

Наши машины благополучно дожидались нас на главной площади Судиславля. Правда, других машин там стало гораздо меньше, а около тех, что еще стояли, толпились люди с пивными бутылками в руках. Народ здесь, видимо, проводил время. Молодежь выкатывала свои транспортные средства, вокруг вертелись друзья и подруги. Особняком держались таксисты. Их для небольшого городка было неприлично много. На нас никто не обратил внимания. Мы спокойно сели в свои авто и поехали не в обратную сторону, а дальше, к выезду из города. Поехали неторопливо, не привлекая к себе внимания.

Жалко, что нельзя было сразу подключить навигатор с машины Атабиева. Но, в принципе, и особой необходимости в этом не было, поскольку я заранее изучил дорогу по другому навигатору, и даже с традиционной картой сверился. Картам я всегда больше доверяю, чем технике. И знал, что следует проехать чуть меньше пятидесяти километров и за районным центром Островское повернуть направо. Там, преодолев связующее расстояние в сорок километров, мы выедем уже в Ивановскую область, в городок Заволжск, дальше через мост минуем Волгу, въедем в Кинешму, а оттуда уже направимся в Иваново, и дальше во Владимир, и в Москву. Прокатиться лишнюю сотню километров несложно. Главное, что этот путь безопаснее, и есть гарантия, что при въезде в Москву по шоссе Энтузиастов нас никто не будет встречать. А в ночной темноте ехать можно и не слишком обращая внимание на дорожные знаки. В сельских районах патрульные машины дежурят чаще всего только в дневное время. Это я знал из опыта поездок в разные от Москвы стороны.

* * *

В Москве мы начали с того, что поставили мою машину в гараж, а на «Волге» отправились в пионерский лагерь навестить Вальтера. Признаться, я слегка беспокоился о его состоянии и мысленно готов был к тому, чтобы вызвать старшему прапорщику врача, хотя сам стараюсь услугами медицины пользоваться только в самом крайнем случае. Это снижает риск медицинских ошибок, о которых в последнее время так много говорят. Вальтеру я зла не желал и потому не хотел сразу обращаться к врачам.

В пионерском лагере стояла привычная тишина. Сторожу-алкоголику, естественно, самому требовалась охрана, потому что охранять он никого и ничего не мог. Даже не вышел на звук двигателя «Волги», который отнюдь не походил на слабое урчание двигателя иномарок. Мы прошли в Вальтеру. Он встретил нас лежа в том же положении, в котором мы его оставили.

– Рассказывай, – приказал я.

– Я думал, вы расскажете...

– Сначала ты. Как самочувствие?
– Иду на поправку. Завтра могу вступить в рукопашку. А завтра уже пришло. Желаеть попробовать, товарищ капитан?

– Не желаю, – сказал я. – И без того руку себе отбил.

Вальтер, в самом деле, выглядел уже лучше. Умеет мобилизовать свой организм и настроить его на выздоровление. Впрочем, мы все этому обучены. Меня его настроение обрадовало.

– Все благополучно?

– Почти, если не считать некоторых нюансов. Хорошо, что напомнил. – Я посмотрел на часы, вытащил мобильник и вышел для разговора из помещения. Я не скрывал ничего от товарищей, просто не любил разговаривать прилюдно.

Полковник Переславцев еще, должно быть, спал. Голос, по крайней мере, был не слишком бодрым. Или же, наоборот, совсем не спал. От чего голос бывает таким же.

– Слушаю тебя, Паша. Вернулся?

– Так точно, товарищ полковник.

– Со щитом или на щите?

– Это неизвестно. Но автоколонну катафалков вызывать следует.

– А что неизвестно?

– С документами неясность. Сами они уничтожены. Подозреваю, что это сделал Атабиев перед тем, как уничтожили его. Но он был человек хитрый и осторожный. Мы обнаружили, что недавно он производил какие-то манипуляции с автомобильным навигатором. А навигатор у него с жестким диском. Мы привезли всю эту технику. Желательно, чтобы специалист посмотрел. Возможно, Атабиев закачал данные туда. Для прочтения требуется взломать пароль. Мы с Корчагиным не специалисты. Пытались открыть – не открывается. Как передать?

– Ты где сейчас?

– На базе.

– Я пришлю автомобиль. Машина гражданская, потому аккуратнее, не стреляй без разбору. Но с водителем будет человек в форме.

– Понял, жду.

– Как Вальтер?

– Говорит, что поправляется.

– Я докладывал командующему. Он предлагает послать врача.

– У меня такие мысли тоже были. Только я думаю, что без врача Вальтер быстрее на ноги встанет. Он парень с характером.

– И хорошо. Даже военный врач, он все равно только врач. Лишние глаза нам ни к чему. Жди машину. Пока дороги свободные, доедет быстро.

– Жду. Если что-то интересное найдется, держите меня в курсе дела.

– Обязательно.

– И еще просьба... В память о Атабиеве. Навигатор с его машины... Желательно бы мне вернуть. На свою поставлю, когда смогу за руль своей сесть.

Полковник усмехнулся.

– Боевой трофеей принадлежит его захватившему. Закон войны... Соскучился по своей машине?

– Я на ней и поездить не успел. Только купил перед командировкой. Всего четыре тысячи «км» накопил. А успел бы за это время полста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.